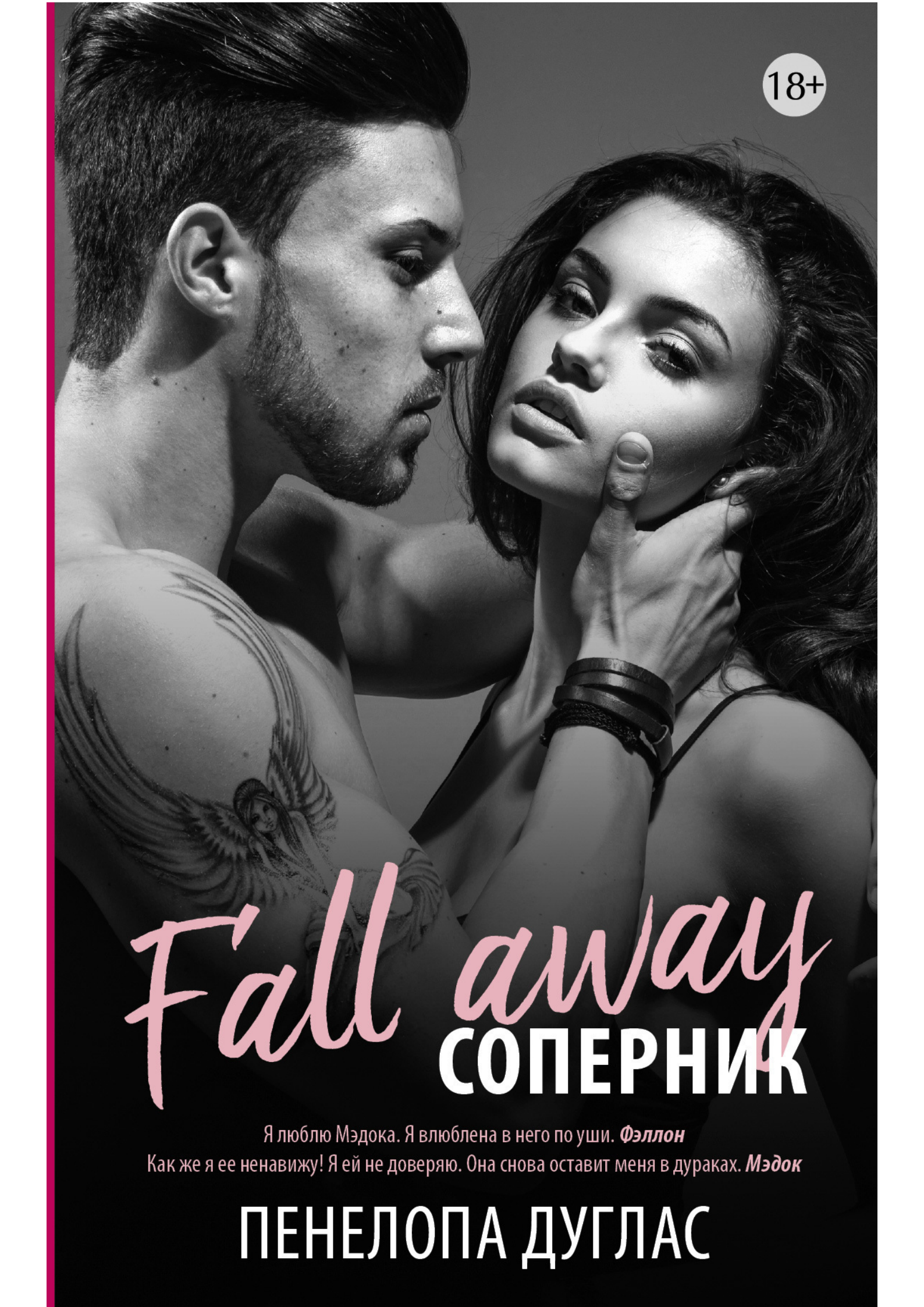




18+

Fall away СОПЕРНИК

Я люблю Мэдока. Я влюблена в него по уши. *Фэллон*
Как же я ее ненавижу! Я ей не доверяю. Она снова оставит меня в дураках. *Мэдок*

ПЕНЕЛОПА ДУГЛАС

Потерянная дружба

Пенелопа Дуглас

Соперник

«АСТ»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

Дуглас П.

Соперник / П. Дуглас — «АСТ», 2014 — (Потерянная дружба)

ISBN 978-5-17-104304-9

У каждого есть свои неприглядные тайны. Спустя два года после отъезда, Фэллон Пирс возвращается в дом, где когда-то жила, чтобы отомстить за все обиды, причиненные его обитателями, и, в первую очередь, Мэдоком Карутерсом — парнем, которого она когда-то любила, и который разбил ей сердце. Но призраки прошлого стремительно возвращаются. Хватит ли Фэллон решимости довести задуманное до конца или она снова испытает горечь разочарования?

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-104304-9

© Дуглас П., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пенелопа Дуглас

Соперник

Penelope Douglas RIVAL

Печатается с разрешения The Berkley Publishing Group, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Andrew Nurnberg. All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Copyright © 2014 by Penelope Douglas

© Е. Вительс, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог Фэллон

Я встречала людей, которые мне нравились или не нравились, людей, которых я любила или ненавидела.

Но только одного человека я *любила ненавидеть*.

– Зачем ты это делаешь? – по дороге в спортивный зал, где у второго курса должно было начаться занятие, я услышала жалобный женский голос и остановилась.

Перед глазами предстала раскрасневшаяся Татум Брандт. Напротив нее стояли мой придурковатый сводный брат Мэдок Карутерс и его друг Джаред Трент. Дело происходило в коридоре, рядом со шкафчиками. На лицах парней читалась скука. А Тэйт нервно сжимала лямки рюкзака.

– Ты вчера наорал на меня, – сдвинув брови, сказала Тэйт, глядя на Джареда. Мэдок стоял у него за спиной и посмеивался. – А следом за тобой и твои друзья. Джаред, ты всегда так себя ведешь. Когда же ты наконец остановишься? И почему ты это делаешь?

Я глубоко вздохнула, как всегда, закатила глаза и покачала головой.

Я терпеть не могла неожиданные повороты, потому что не могла выносить ощущение неизвестности.

Поворот номер 1: *Мы с твоим отцом разводимся.*

Поворот номер 2: *Мы переезжаем. Опять.*

Поворот номер 3: *Я выхожу замуж. Снова.*

Поворот номер 952: *Ты мне не особо нравишься. Как и муж. И его сын тоже. Поэтому я, пожалуй, буду уезжать отдыхать куда-нибудь подальше от всех вас по пятнадцать раз в год!*

Справедливости ради надо сказать, на самом деле мама никогда этого не говорила. Но, думаю, у меня неплохо вышло выразить это дерьмо в словесной форме. Ну их к черту, эти повороты.

Я ссутулилась, засунула руки в карманы узких джинсов и продолжила наблюдать за тем, что будет делать Тэйт. Может, у нее наконец получится схватить за яйца этих идиотов? Или у нее опять на это смелости не хватит? Я все еще надеялась, что она сможет дать им отпор, а она из раза в раз разочаровывала меня.

Татум Брандт – тряпка.

Я не так много о ней знала. Только то, что все, кроме Мэдока с Джаредом, звали ее Тэйт, что она выглядела как рокерша, но вела себя скромно, и что была довольно симпатичной, с образцовой внешностью чирлидерши.

Длинные светлые волосы? Естественно.

Большие голубые глаза? Куда ж без них.

Длинные ноги, пухлые губы и большая грудь? Все при ней уже в шестнадцать лет.

Короче, полный комплект. На месте сводного брата я бы не раздумывая полезла к ней целоваться. Блин, да я и сама была не прочь.

От этой мысли я закусила губу. Да, я могла бы быть лесбиянкой, наверное, если бы мне этого захотелось.

Хотя нет, забудем об этом.

Поэтому я никак не могла понять, почему Мэдок и Джаред терроризируют ее, вместо того чтобы звать на свидания.

Все же мне было интересно, чем закончится эта история. В старшей школе они оба ее изводили. Распускали слухи, преследовали и делали все, что было в их силах, чтобы сделать

Тэйт несчастной. А девушка терпела их нападки, все больше замыкаясь в себе. Меня это так злило, что я уже подумывала вступить за нее и стукнуть их лбами друг о друга.

Только вот я ее едва знала. А Татум и вовсе не подозревала о моем существовании. Мы были такими разными, что я просто не попадала в ее поле зрения.

– Почему? – ответил Джаред вопросом на вопрос и с наглым видом подошел к ней практически вплотную. – Потому что ты воняешь, Татум, – он поморщил нос, изображая отвращение. – От тебя несет... как от псины.

Тэйт моментально выпрямилась, и из ее глаз наконец хлынули слезы.

Да врежь ты уже ему по яйцам!

Я была в ярости. Выдохнув, я поправила очки на переносице. Это всегда помогало взять себя в руки.

Тэйт покачала головой.

– Ты даже не помнишь, какой сегодня день, так ведь?

Она прикусила дрожащие губы и опустила взгляд в пол.

Я не видела ее глаз. Но отлично знала, что увижу в них: отчаяние, боль утраты, одиночество.

Она развернулась и ушла, даже не взглянув на Джареда. Ей было проще простого его ударить, ответить оскорблением на оскорбление.

И пусть я презирала ее слабость, но уяснила одну вещь, которую не понимала раньше. Джаред был ослом, но мог задеть ее за живое.

Да она же влюблена в него.

Скрестив руки на груди, я направилась к шкафчикам. Туда, где Джаред с Мэдоком провозжали взглядами удаляющуюся Тэйт.

Мэдок заговорил первым.

– Что это значит: какой сегодня день?

Джаред только пожал плечами в ответ.

– Понятия не имею, о чем она говорит.

– Сегодня 14 апреля, – встряла в разговор я, оказавшись у Мэдока за спиной. Ему пришлось обернуться. – Тебе это о чем-нибудь говорит, идиот? – обратилась я к Джареду.

Мэдок посмотрел на меня и поднял светло-русую бровь. В его взгляде появился намек на улыбку. Джаред повернул голову ровно настолько, чтоб я могла видеть его профиль.

– 14 апреля? – прошептал он и зажмурился.

Потом медленно открыл глаза и пробормотал:

– Вот блин.

Мэдок провел рукой по волосам. Джаред с силой ударил ладонью по дверце ближайшего шкафчика.

– Что такое? – с сердитым видом спросил Мэдок.

Джаред протер лицо руками и покачал головой.

– Ничего. Не обращай внимания, – огрызнулся он. – Пойду на геометрию.

Джаред засунул руки в карманы и направился в дальний конец холла. Даже через джинсовую ткань было видно, что он крепко сжал в карманах кулаки. Мы с Мэдоком остались вдвоем.

Если сравнивать Мэдока и Джареда, то второй мне нравился больше. Они оба были настоящими ублюдками, но Джаред хотя бы плевать хотел на то, что о нем думают другие. Это был странный парень, что-то среднее между спортсменом и готом. Он вечно слонялся по школе с довольно зловещим видом, но тем не менее был популярным. Всегда мрачный, но отнюдь не обделенный женским вниманием. Наоборот.

Мэдока же общественное мнение волновало как никого другого: что подумают наши родители, директор, большинство учеников. Мэдок любил нравиться, и его жутко раздражало, что ему никак не отделаться от меня.

Джаред и Мэдок учились в старшей школе второй год и уже начинали приобретать власть и влияние, которым в выпускном классе предстояло выйти из-под всякого контроля.

– У-у-у, похоже, твой приятель – неудачник, – издевательским тоном добавила я, убирая руки в задние карманы джинсов.

Мэдок посмотрел на меня с игривой полуулыбкой на лице.

– А твои дру... – начал было братец, но вдруг остановился.

Широко улыбнувшись, он продолжил:

– Извини. У тебя же нет друзей.

– Они мне не нужны, – ответила я. – Мне и одной неплохо. Я ненормальная. И гуляю сама по себе. Ты же знаешь.

– Ты и вправду сумасшедшая. Когда в следующий раз пойдешь гулять, загляни в химчистку, Фэллон, и заberi мои рубашки.

Он с надменным видом поправил воротник модной синей рубашки. Мэдок одевался так, чтобы производить впечатление. На нем были потертые джинсы по щиколотку и черный браслет, а русые волосы – аккуратно уложены. Девочки его обожали. Он выглядел модно, профессионально вешал лапшу на уши и любил весело проводить время. То есть был приятным парнем во всех отношениях.

Рядом с ним я всегда чувствовала себя маленькой и никчемной.

Сколько бы гадостей я про него ни говорила, было очевидно, что я старалась скорее убедить в этом себя, чем окружающих. Мэдок носил фирменные вещи. Я одевалась в дешевые шмотки из супермаркета. Он был дорогим бельгийским шоколадом. А я – арахисовым батончиком. В его понимании, он был достойным сыном своего отца, а я – нахлебницей, дочерью жадной до денег шлюхи, охмулившей его папочку.

Мэдок считал меня грязью у себя под ногами. *К черту его.*

Я снисходительно осмотрела его наряд.

– Твои рубашки суперстильные, без сомнения. Гей-сообщество может тобой гордиться.

– Можешь тоже прикупить себе что-нибудь модное. Отец каждый месяц платит твоей матери за ее услуги, в конце концов.

– Что-нибудь модное? Ты имеешь в виду мини-юбки, которые носят твои пассии?

Вызов принят. Пора поставить его на место.

– Большинству парней, Мэдок, нравится кое-что другое. Знаешь, почему ты хочешь видеть меня в «модных» коротких юбках? Потому что чем больше я показываю, тем меньше я скрываю. Ты меня боишься.

Он покачал головой.

– Ничего подобного, младшая сестренка.

Младшая... Я была всего на пару месяцев младше него. И такие выпады были направлены исключительно на то, чтобы вывести меня из себя.

– Я тебе не младшая сестренка.

Я сделала шаг вперед.

– И у меня есть друзья. И я много кому нравлюсь. Парням нравится, как я выгляжу. И если я не вписываюсь в твои стандарты и стандарты наших роди...

– У-у-у, мне скучно тебя слушать, – вздохнув, перебил меня Мэдок. – Фэллон, мне неинтересна твоя жизнь. Я готов пересекаться с тобой за праздничным столом и изредка дома. Во всех остальных случаях перспектива наткнуться на тебя меня не радует.

Я гордо задрала подбородок, стараясь не выдать своих чувств. Его слова меня не ранили. Ни слова, ни его мнение обо мне. Я не придавала никакого значения его словам. Мне нравилось быть собой. Никто не указывал мне, как одеваться, как вести себя и с кем общаться... Я сама принимала решения. Мэдок был куклой, дроидом.

А я была свободна.

Когда Мэдок понял, что я не собираюсь отвечать, он стал медленно отходить назад.

– Родителей ночью не будет дома. Я устраиваю вечеринку. Не мешайся под ногами. Можешь спрятаться в комнатах для прислуги. Там тебе и место.

Я смотрела ему вслед, понимая, что не слушаюсь. Откуда мне было знать, что потом я горько об этом пожалею.

Глава 1

Мэдок

Два года спустя

– Seriously? – воскликнул я. – А еще медленнее она может? – спросил я у Джареда, сидя на заднем сиденье G8 его девушки, заложив руки за голову.

Тэйт была за рулем. Она резко обернулась и посмотрела на меня с таким видом, будто была готова воткнуть нож мне в грудь.

– Я прохожу резкий поворот на скорости 80 километров в час да еще на грунтовой дороге! – завопила она. – Это даже не настоящая гонка. Всего лишь тренировка. Я тебе уже говорила!

Каждая мышца у нее на лице была напряжена до предела, пока она меня распекала.

Я запрокинул голову и громко вздохнул. Джаред сидел передо мной, облокотившись на дверь и придерживая рукой голову.

Был вечер субботы. До первой настоящей гонки Тэйт на местной импровизированной трассе «Петля» оставалась неделя. И мы уже третий час торчали на Пятом шоссе. Каждый раз, когда эта курица слишком рано начинала тормозить или недостаточно быстро выжимала газ, Джаред молчал. Но не я.

Он не хотел задеть чувства своей девушки, но меня это не волновало. Почему я должен с ней носиться? Я же не пытаюсь залезть к ней в трусики.

По крайней мере, больше не пытаюсь.

На протяжении всей старшей школы Джаред и Тэйт люто ненавидели друг друга. Они постоянно вступали в перепалки и трепали друг другу нервы всякими идиотскими выходками. Это была самая длинная прелюдия, которую мне довелось наблюдать. А теперь они были по уши влюблены друг в друга, как Ромео и Джульетта. Точнее, порноверсия «Ромео и Джульетты».

Джаред слегка повернул голову в мою сторону, но в глаза не посмотрел.

– Выметайся из машины, – приказным тоном сказал он.

– Что? – выпалил я, смотря на него круглыми глазами. – Но... но... – я запнулся.

Из зеркала заднего вида на меня с победной улыбкой смотрела Тэйт.

– Никаких «но», – гаркнул Джаред. – Бери свою машину. Она *тебя* сделает.

Я ощутил мгновенный выброс адреналина от одной мысли о предстоящем веселье. Кто бы спорил, что Тэйт легко обойдет девчонку, которая понятия не имеет, как вести себя за рулем. Но до моего уровня ей еще далеко.

Мой выход. Я хотел было улыбнуться, но передумал и закатил глаза.

– Это будет скучно.

– Ой, ты такой забавный, – пыталась язвить Тэйт, все крепче сжимая руль. – Ты ничем не лучше двенадцатилетней девчонки, когда ноешь.

Я открыл заднюю дверь.

– Раз уж ты заговорила о нытье... Кажется, я знаю, кто сегодня будет смеяться последним, а кто – плакать в подушку. Хочешь поспорить?

– Ты. Ты у меня еще поплачешь, – ответила Тэйт.

– Ответ неверный.

Она схватила упаковку бумажных платочков и швырнула в меня.

– Вот, держи на всякий случай.

– Да я смотрю, у тебя тут годовой запас, – мгновенно среагировал я. – Это потому, что ты часто плачешь, не так ли?

Она резко обернулась.

– *Tais-toi! Je te détes...*¹

– Что-что? – перебил ее я. – Что это значит? Я горячий парень, и ты от меня без ума? Джаред, ты знал, что у нее есть ко мне чу...

– Прекратите! – взревел он, затыкая нас обоих. – Черт возьми, замолчите оба.

Джаред поднял руки и поглядывал то на меня, то на Тэйт так, будто мы – два провинившихся ребенка.

Секунду мы с Тэйт молчали. А потом она прыснула. Я тоже не смог сдержать смех.

– Мэдок, – процедил Джаред через плотно сжатые зубы. В его голосе слышалось напряжение. – Вон. Сейчас же.

Я схватил с сиденья телефон и последовал его совету, но только потому, что понял: мой лучший друг вышел из себя и не очень хорошо себя контролирует.

Я весь день бесил и подкалывал Тэйт и тем самым мешал их тренировке. Тэйт наконец-то предстояло поучаствовать в настоящей гонке. И пусть мы с Джаредом уже давно натаскивали ее, всем ясно, что тренировки и гонка – это как небо и земля. Когда ты на трассе, все может пойти не по плану. Но Тэйт была твердо уверена, что справится.

А если эта девушка чего-то хочет, она всегда этого добивается. До нее Джаред был просто неуправляемым, а сейчас – посмотрите на него.

Я пошел назад по дороге, к месту, где припарковался. Мой серебристый ГТО стоял у обочины. Одной рукой я вытер пот со лба, а другой полез в карман за ключами.

Было еще только начало июня, а все вокруг уже плавилось от жары. Не то чтобы было очень жарко, но влажность делала свое дело. Мама хотела, чтобы я приехал на лето к ней, в Новый Орлеан, но я ответил веским и бесповоротным «нет».

Что может быть приятнее ловли креветок в Мексиканском заливе в полуденный зной в компании ее нового муженька?

Ни за что.

Я, конечно, люблю маму, но не отказываться же от возможности остаться одному на все лето, пока отец живет в Чикаго.

Телефон в руке завибрировал. Я взглянул на экран.

О, легок на помине.

– Привет, что такое? – ответил я отцу, подходя к машине.

– Мэдок, хорошо, что ты ответил. Ты дома?

У него был взволнованный голос.

– Нет. Но скоро собираюсь домой. А что?

Отца почти никогда не было рядом. Юридическая практика отнимала у него очень много времени, так что он купил квартиру в Чикаго, решив, что так будет удобнее. Но чем реже он появлялся дома, тем проще нам было находить общий язык.

Он мне нравился. Хотя не могу сказать, что я любил его.

Мачеха тоже почти всегда где-то пропадала. Путешествовала, навещала друзей. Вот ее я ненавидел.

А еще у меня была сводная сестра... неизвестно где.

Так что единственной из домочадцев, кого я по-настоящему любил, была Эдди, наша домработница. Она внимательно следила за тем, чтобы я ел овощи, и писала записки в школу. Она – моя настоящая семья.

– Утром звонила Эдди, – объяснил отец. – Приехала Фэллон.

¹ Закрой рот! Я тебя ненави... (фр.) – Здесь и далее примеч. переводчика.

Ком застрял в горле. Я чуть было не выронил телефон.

Фэллон?

Оперевшись ладонью на капот, я опустил голову и постарался перестать скрипеть зубами.

Сводная сестренка дома. Почему? Почему именно сейчас?

– И? – бросил в ответ я. – А мне до этого какое дело?

– Эдди собрала твои вещи, – отец проигнорировал мой вопрос. – Я поговорил с мамой Джареда, ты поживешь у них пару недель. Как только мой график станет свободнее, я приеду и разберусь со всем этим.

Прошу прощения? Я так крепко сжал в руке телефон, что он затрещал.

– Что? Почему? – воскликнул я, тяжело дыша. – Почему я не могу остаться у себя дома?

С чего это я должен под нее подстраиваться? Ну, вернулась она домой. Тоже мне, событие! Это ее надо взять и выставить. Почему меня отправляют к другу?

– Ты знаешь, почему, – угрожающим тоном ответил отец. – Не приходи домой, Мэдок.

И он повесил трубку.

Я стоял как вкопанный, внимательно изучая отражения деревьев в капоте ГТО. Значит, меня отправляют к Джареду, а Эдди привезет туда мои вещи. И мне нельзя домой, пока отец не разрешит.

А все почему?

Я закрыл глаза и покачал головой. Я знал, почему.

Потому что сводная сестра дома, а наши родители обо всем узнали. О том, что случилось два года назад.

Но это был не ее дом. Это я жил в нем всю свою жизнь, уже восемнадцать лет. А она пожила здесь только некоторое время после того, как наши родители поженились, а пару лет назад вообще уехала неизвестно куда.

Я проснулся одним прекрасным утром, а ее нет. Ни «до свидания», ни записки. Я ни одной весточки от нее не получил с тех пор. Родители знали, где она. Но не я. От меня скрывали ее местонахождение.

Хотя мне все равно было наплевать.

Но я, черт побери, хотел провести лето у себя дома.

Два часа спустя я сидел у Джареда в гостиной, в компании его единокровного брата Джекса. Время от времени из кухни на нас бросала недобрые взгляды их мать. Я ждал, когда ей надоест пялиться. И чем дольше я сидел и ждал, тем сильнее мне хотелось на что-нибудь отвлечься. На дворе, в конце концов, был вечер пятницы, а в комнате Джареда стояла куча выпивки, которую я в свое время натаскал из закровов отца. Джекс сидел, сгорбившись, на диване и играл в приставку, а Джаред ушел набивать очередную тату.

– Этим ты не решишь проблему, Джейсон, – послышался с кухни громкий шепот Кэтрин Трент.

Я поднял брови. *Джейсон?* Так зовут моего отца. Было видно, как она ходит по кухне из угла в угол с телефоном в руке.

Она называет отца Джейсоном? Хотя что в этом странного? Ведь это его имя. Просто немного непривычно. Не так много людей могут позволить себе обращаться к нему по имени. Обычно он «мистер Карутерс» или «сэр».

Встав с дивана, я направился в столовую, которая была рядом с кухней.

– Это же твой сын, – послышались слова мамы Джареда. – Ты должен вернуться и все уладить.

Я засунул руки в карманы и прислонился к стене рядом с дверью, ведущей на кухню. Некоторое время Кэтрин молчала – было слышно только, как она гремит посудой. Похоже, разгружала посудомоечную машину.

– Нет, – ответила Кэтрин. – Через неделю. Не позже. Я люблю Мэдока, но он – *твой* сын, и ты нужен ему. На этот раз выкрутиться тебе не удастся. У меня уже есть два сына-подростка. Знаешь, что происходит, когда я прошу их приходить домой пораньше? Они смеются надо мной.

С одной стороны, мне хотелось улыбнуться, с другой – крепко сжать кулаки от раздражения.

– Я рядом, – продолжила она, – и всегда готова помочь ему, но мальчику нужен ты!

Все ее уговоры были обречены на провал. Моего отца невозможно просто так взять и заставить что-то сделать.

Я бросил взгляд на Джекса. Он поставил игру на паузу и, сдвинув брови, смотрел на меня.

Покачивая головой, он попытался разрядить обстановку:

– Я никогда не возвращался домой в положенное время. Но мило, что она переживает. Люблю эту женщину.

Джекс – единокровный брат Джаред. У них один отец, но разные матери, и большую часть жизни Джекс проводил либо в доме отца-тирана, либо у приемных родителей. Прошлой осенью мой отец помог Кэтрин получить опеку над Джексом и забрать его из приемной семьи. Отец Джаред и Джекса сидел в тюрьме, и всем хотелось, чтобы братья жили вместе.

Особенно самим братьям.

Теперь, когда Джаред, мой бессменный лучший друг на протяжении всех старших классов, нашел любовь всей своей жизни и живет с ней душа в душу, он не может проводить со мной так много времени, как раньше. Так что я сблизился с Джексом.

– Пошли.

Я вздернул подбородок.

– Сейчас сгоняю к Джареду в комнату за бутылкой, и пойдем веселиться.

– Покажите мне самые большие шары из тех, что у вас есть, – потребовал я, сделав голос как можно ниже.

Я прищурился и еле сдерживался, чтобы не засмеяться. Пришлось даже сжать зубы.

Тэйт выпрямила спину, медленно повернулась и взглянула на меня исподлобья. Почти так же на меня смотрела мать, когда маленьким я написал в бассейн.

– Такого я еще не слышала, – ее глаза были широко раскрыты. – Что ж, сэр, у нас есть довольно тяжелые, но с ними тоже придется управляться тремя пальцами. Вы справитесь?

У нее было такое выражение лица, как будто мы обсуждаем домашнее задание, но от меня не ускользнуло, что она игриво улыбнулась уголком губ.

– Разумеется, – ответил я, продолжая упражняться в остроумии. – Ты умрешь от зависти, когда увидишь, что будет вытворять этот шар в моих руках.

Она закатила глаза и прошла к стойке. Тэйт работала в боулинге с прошлой осени. Ей едва не пришлось устроиться на работу по решению суда. Точнее, не совсем так. Ей, скорее всего, пришлось бы найти работу по требованию судьи, если бы Джаред выдвинул обвинения. Тэйт всегда была довольно спокойной. Кто бы мог подумать, что эта девушка в приступе ярости схватит лом и разнесет машину своего бойфренда. Это было и мерзко, и прекрасно одновременно. Видео тут же появилось на YouTube. Феминистки были в восторге. Из него делали нарезки и накладывали на музыку. В Интернете этот ролик окрестили «*Ну и кто теперь босс?*», потому что Джаред ездил на Mustang Boss 302.

Однако это было всего лишь недоразумение, и Тэйт оплатила причиненный ущерб. С тех пор она сильно изменилась. Как и мы с Джаредом.

Правда, эти двое спали друг с другом. У меня таких привилегий не было.

– Мэдок, ты что, выпил?

Тэйт облокотилась на стойку и посмотрела на меня взглядом заботливой мамочки.

– Какой глупый вопрос.

Естественно, я выпил. Будто она меня совсем не знает.

Тэйт подняла голову и обвела взглядом дорожки у меня за спиной. Ее глаза настолько расширились, что я испугался, как бы они не выпали из орбит.

– Да ты еще и Джекса напоил! – с укором в голосе добавила явно взбешенная Тэйт.

Я хотел было развернуться, чтобы взглянуть, что она там такого увидела. Но рядом очень неудачно оказался стул. Я споткнулся о его ножку и громко вскрикнул.

– Ого! – воскликнул я, поднимая высоко над головой бутылку виски, когда увидел, что так взбесило Тэйт.

Перед одной из дорожек столпились люди. Они с громким смехом наблюдали за Джексом, который с разбегу по ней катался.

– Черт побери!

Кто-то выхватил у меня бутылку. Обернувшись, я увидел, что Тэйт, нахмурившись и плотно сжав губы, прячет ее за стойку.

– Куда делся мой виски?! – спросил я и, продолжая изображать Джека Воробья, стукнул кулаком по стойке.

Но Тэйт уже двинулась к входу в зал с дорожками.

– Когда моя смена закончится, тебе не поздоровится, – бросила она через плечо громким шепотом.

– Ты меня любишь. Сама же знаешь!

Я рассмеялся и побежал через лабиринт из стульев и столов, окружавших прилавок, к дорожке, на которой играл Джек. К нему присоединилась еще пара парней, и теперь они все вместе катились по дорожкам, на радость веселой субботней публике. В это время все счастливые семьи собираются за кухонным столом, а в боулинге торчат разве что убежденные холостяки, переживающие по поводу своих пивных животиков и коротающие время за разговорами о том, какое это счастье – избежать брачных уз. Они просто смотрели и качали головами.

Я сглотнул виски, который уже просился наружу, и запрокинул голову.

– Ву-у-у-ху-у-у! – прокричал я, разбежался, приземлился животом на гладкую поверхность из светлого дерева и покатился по направлению к кеглям.

Сердце колотилось от возбуждения. *Черт возьми!* Эти дорожки были такие скользкие, что я хохотал во весь голос, несмотря на то, что Тэйт была вне себя от ярости. Я устроил суматоху у нее на работе. А это значило, что последствие встречи с кулаком Джареда еще долго будет украшать мое лицо. Но меня волновало только то, что происходит прямо сейчас. Я ловил момент.

Как можно было просто встать и уйти домой?

Ликующая толпа шумела у меня за спиной, некоторые даже прыгали на месте. Я понял это по характерной вибрации пола. Когда я докатился до конца, меня развернуло, и ноги залезли на соседнюю дорожку. Я лежал там, и меня мучил один вопрос. Нет, не о Фэллон. И даже не о том, что я был слишком пьян, чтобы вести машину, а значит, не смогу уехать домой самостоятельно.

Он был совершенно неразрешимым. Я решил его озвучить:

– И как же, блин, мне теперь подняться?

Эти дорожки были слишком скользкими. Ух. Невозможно было встать на ноги, не поскользнувшись. Дерьмо.

– Мэдок! Вставай! – донесся до моих ушей недовольный голос Тэйт. Она была где-то совсем близко.

Мэдок. Вставай. Солнце встало. Тебе пора.

– Мэдок. Вставай давай! – орала на меня Тэйт.

Я выпрямился.

– Все в порядке, – пробормотал я. – Прости меня, Тэйт. Ты же знаешь, что я люблю тебя, так ведь?

Я с трудом заставил тело принять сидячее положение и икнул. Потом поднял глаза. Тэйт с гордым видом шла по разделительной линии между дорожками, уперев руки в бока и грозно сдвинув брови.

И смотрела на меня глазами, полными презрения.

– Мэдок, я, вообще-то, здесь работаю.

Я вздрогнул. Не люблю, когда у нее такой грустный голос. Похоже, она во мне разочаровалась. Тэйт всегда была достойна моего уважения.

– Прости, детка.

Я вновь попытался встать, но поскользнулся и плюхнулся на задницу, которая и так уже болела.

– Я же извинился, что еще?

Она присела на корточки, вцепилась мне в плечо обеими руками и потянула наверх.

– Да что с тобой такое? Ты ведь только на вечеринках позволяешь себе напиваться.

Одной ногой я попал в ложбинку сбоку от дорожки и зашатался. Тэйт притянула меня ближе к себе. Тогда мне удалось водрузить вторую ногу на разделительную линию.

– Все со мной нормально, – улыбнулся я. – Тэйт, я же шутник. Я... – я помахал рукой в воздухе, – ...просто... шутка... то есть шутник, я шутник, – поспешил исправиться я.

Она продолжала меня придерживать, но я чувствовал через футболку, что девушка поне-много ослабляет хватку.

– Мэдок, никакая ты не шутка.

Ее взгляд немного смягчился.

Ты не знаешь, кто я такой.

Я смотрел ей в глаза. Очень хотелось все объяснить, заставить подругу – да хоть кого-нибудь – увидеть меня настоящего. Джаред и Джекс были хорошими друзьями, но парни не любят выслушивать эти сопли, и они не такие внимательные. А Тэйт заметила, что что-то не в порядке, но я не знал, как объяснить ей, в чем дело. Я просто хотел, чтобы она понимала: я хороший парень, несмотря на все мои выходки.

– Тэйт, я все время делаю глупости. Это стиль жизни. И у меня неплохо получается.

Я медленно наклонился к ней и заправил редкие, выбившиеся из ее хвостика волосы за ухо, а потом томным голосом прошептал:

– Отец об этом знает. И *она* знает.

Я на мгновение опустил глаза в пол, потом снова встретился с ней взглядом.

– И ты тоже об этом знаешь, разве не так?

Тэйт ничего мне не ответила. Она молчала и внимательно меня разглядывала. Кажется, я почти слышал, как крутятся шестеренки у нее в мозгу.

Я положил руку ей на щеку и вдруг вспомнил, как часто она мне напоминала Фэллон. Поглаживая большим пальцем бархатную кожу ее лица, я мечтал, чтобы она снова на меня накричала. Чтобы она не переживала за меня. Тогда я мог бы сказать, что у меня в жизни не осталось ничего настоящего. Было бы гораздо проще.

Касаясь ее милого растерянного лица, я вдохнул полной грудью аромат ее духов и потянулся к ней губами.

– Мэдок! – одернула меня Тэйт.

Она выглядела смущенной. Наклонив голову, я чмокнул ее в лоб и снова выпрямился.

Взволнованно сдвинув брови, она продолжала пристально смотреть на меня.

– С тобой все нормально?

Нет, не нормально.

Иногда бывает.

Ладно, нормально. Большую часть времени, наверно, это так. Но не сегодня.

– Ух, – я глубоко вдохнул и улыбнулся. – Надеюсь, ты понимаешь, что я ничего такого не имел в виду, – отшутился я. – В смысле я правда люблю тебя. Но не так, как ты подумала. Скорее, как сестру.

Едва договорив, я расхохотался, согнулся пополам и схватился за живот.

– Я не поняла шутку, – отрезала Тэйт.

Резкий свист пронзил воздух, и Тэйт подняла глаза.

– Что за фигня тут происходит? – властный и рассерженный голос Джареда разнесся по игровому залу.

У меня заболели уши.

Повернувшись к нему лицом, я случайно сделал шаг назад и наступил на скользкое покрытие дорожки.

– Ой, черт!

Во время падения я попытался ухватиться за Тэйт. Но удержать меня ей было не под силу. И мы вместе рухнули на деревянный пол. Должно быть, на моей заднице теперь живого места не осталось от синяков. А вот Тэйт повезло. Она приземлилась на меня. Так что мне в каком-то смысле тоже повезло.

Джаред наблюдал за сценой, стоя у начала дорожки с таким видом, будто готов убить нас обоих на месте.

– Чувак, она стащила мой виски, а потом стала клеиться и чуть не изнасиловала! – я показал на Тэйт.

– Твой виски под стойкой. Цел. Иди сам посмотри!

Тэйт со стоном поползла к разделительной полосе. Ее несчастный хвостик совсем растрепался.

– Джекс! – громко позвал Джаред, повернувшись к соседней дорожке справа.

Джекс полз по ней в нашу сторону.

– И ты.

Джаред смотрел на меня испепеляющим взглядом.

– Идите в мою машину. Быстро.

– Уверен, он хочет хорошенько выпороть тебя, – пропел я на ухо Тэйт, пока мы снова выбирались с дорожки по разделительной полосе.

– Заткнись, придурок, – бросила она в ответ.

Глава 2

Фэллон

– Это был твой первый поцелуй? – спрашивает он, оторвавшись от моих губ, чтобы взглянуть на меня. Продолжая смотреть в пол, я цепляюсь руками за кухонный шкафчик у себя за спиной. Это все как-то неправильно. Он прижимает мою спину к столешнице так, что я не могу пошевелиться. Мне больно.

– Просто подними глаза и посмотри на него, – убеждаю я саму себя. – Подними глаза, дуручка! Скажи ему, чтобы попридержал коней. Он не знает, какая ты на самом деле. Он тебя использует. А ты от этого чувствуешь себя грязной.

– Иди ко мне.

Он потянулся к моему лицу, и я вся съезжилась.

– Давай покажу тебе, что можно делать с языком.

Это все неправильно. Я это чувствую.

– Фэллон, – мягкий, ласковый женский голос прервал мой сон, – Фэллон, ты проснулась? Послышался стук в дверь.

– Я вхожу.

Я открыла глаза и заморгала, прогоняя остатки сна. Мне было трудно пошевелиться. Казалось, что голова отдельно, тело отдельно, а руки и ноги придавлены к кровати с такой силой, как будто на спине лежит десятитонная бетонная плита.

– Фэллон, – нараспев позвал меня все тот же женский голос. – Я приготовила яйца пашот. Твои любимые.

Мне наконец удалось пошевелить кончиками пальцев, а потом и сжать кулаки. Тело очнулось ото сна. Я не смогла сдержать улыбку.

– С тостом, чтобы макать в желток? – поинтересовалась я, не высовывая голову из-под подушки.

– С тостом из белого хлеба, потому что черный – для слабаков, – добавила Эдди как что-то само собой разумеющееся, и я вспомнила, что сказала ей эти самые слова четыре года назад, когда мама вышла замуж за Джейсона Карутерса и мы переехали сюда.

Я сбросила ногами одеяло и уселась на кровати.

– Я скучала по тебе, дорогая. Ты одна из немногих, кого я действительно рада видеть.

Эдди, домработница, которая фактически заменяла мне мать, была еще и одной из тех, с кем я чувствовала себя комфортно. А их можно было по пальцам пересчитать.

Она вошла в комнату, мастерски маневрируя подносом. На нем была куча аппетитной еды: яйца пашот, круассаны, свежавыжатый апельсиновый сок и фруктовый салат с клубникой, черникой и йогуртом. И настоящее масло!

Эдди поставила поднос мне на колени. Я заправила волосы за уши и взяла с прикроватной тумбочки очки.

– Мне казалось, что ты никогда не станешь носить хипстерские очки, – сказала она.

Я обмакнула краешек тоста в желток.

– С тех пор многое изменилось. Все меняется, Эдди.

Я усмехнулась. От одного только запаха свежей еды у меня слюнки потекли. Я откусила кусочек тоста со счастливой улыбкой на лице.

– Только твоя стряпня остается неизменной! Девочка моя. Как я по всему этому соскучилась.

Внешне Эдди мало походила на девочку, но в душе оставалась ребенком. Она была не только прекрасной домработницей. На поверку Эдди оказалась еще и той самой хозяйкой в

огромном доме мистера Карутерса, которой ему так не хватало. Она занималась всем тем, чего не хотела делала моя мать. Разве что не спала с мистером Карутерсом. Она была старше его на добрых двадцать лет. Но дом был полностью на ней. Эдди следила за порядком в доме, занималась садом, напоминала мистеру Карутерсу о запланированных нерабочих встречах и днях рождения... Она помогала ему во всем и была единственным человеком, которого он ни за что бы не уволил. Она могла назвать его уродом, а он бы просто закатил глаза, и все. Она стала незаменимой и поэтому законно заправляла всем в этом доме.

А еще она заботилась о нас с Мэдоком.

– Я тоже по тебе соскучилась, – ответила Эдди, подбирая с пола мою одежду.

Я отрезала от яйца кусочек и положила на тост.

– Перестань. Это лишнее. Я уже взрослая и вполне в состоянии убрать за собой.

Я пока не оплачивала свои счета, но во всех остальных вопросах давно заботилась о себе сама. Вот уже два года. Мать отправила меня в школу-интернат, а отец не очень внимательно следил за каждым моим шагом. Я сама вызывала себе врача, ходила в магазин за одеждой, стирала белье в прачечной по соседству. Никто не говорил мне, какие фильмы смотреть, как часто есть овощи и когда подрезать волосы. Я со всем этим справлялась.

– Ты и правда уже взрослая девушка. Еще и очень красивая, – Эдди улыбнулась, и я почувствовала приятное тепло в груди. – У тебя появилось несколько новых тату, зато ты вынула пирсинг, как я вижу. Мне нравились проколотая губа и септум.

– Тебе нравились, а вот руководству моей школы – не очень. Мне сказали все это снять и носить только за пределами школы.

Не могу сказать, что с последней встречи с Эдди я совсем не изменилась, но тяга к различным способам самовыражения никуда не делась. У меня была проколота носовая перегородка – в ней было маленькое колечко, – а еще сережка в губе и штанга в языке. Но все это, увы, пришлось вынуть. В школе Святого Иосифа ученикам не разрешался «нетрадиционный пирсинг». Можно было носить сережки в ушах, но не больше двух на каждое ухо. А у меня в левом было целых пять: технически индастриал – это одна сережка, хоть для нее и требуются два прокола. А в правом – шесть, учитывая трагус, две в мочке и три в хрящике сверху. Их меня тоже пытались заставить вынуть.

Но после того, как они позвонили матери, чтобы на меня пожаловаться, а она так и не взяла трубку, я попросила их отстать от меня. Тогда они позвонили отцу. Он пожертвовал школе здоровенную сумму денег... и тоже попросил их отстать от меня.

– Вы с Мэдоком оба так сильно вы... – она осеклась. Я перестала жевать. – Извини, – закончила она, не глядя на меня.

Если бы в этот момент кто-то вырвал мое сердце, его пришлось бы держать обеими руками: такое оно было тяжелое. Я проглотила все, что было во рту, не разжевывая, и глубоко вздохнула.

– Почему ты извиняешься? – пожала плечами я, хотя знала ответ.

Эдди это прекрасно понимала.

В конце концов, мы с Мэдоком жили в доме не одни, и все знали, что произошло.

– Не переживай, – успокоила меня Эдди, присаживаясь на край кровати. – Я же тебе еще вчера вечером сказала. Его здесь нет. Он не вернется, пока ты не уедешь отсюда.

Нет.

– Эдди, ты думаешь, у нас с Мэдоком какие-то проблемы? – усмехнулась я. – С нами все нормально. Все в полном порядке. В тот раз наше глупое соперничество зашло слишком далеко, но мы же были детьми. Я хочу двигаться дальше.

Мой голос был спокойным. Я сидела, расслабленно расправив плечи. Язык тела никак не мог меня выдать.

– Хорошо, но Джейсон все равно считает, что это небезопасно. Хотя он сказал, чтобы ты оставалась в доме, сколько захочешь. Мэдока здесь не будет.

Именно для этого мне и нужна была Эдди. Ее можно было уговорить пустить Мэдока в дом. Только нельзя было говорить об этом сразу и напрямую.

– Я здесь всего на недельку или около того.

Я отхлебнула сок и поставила стакан обратно на поднос.

– Осенью поеду в колледж при Северо-Западном университете, но остаток лета до начала учебного года планирую провести с отцом. Так что я здесь проездом, только чтобы повидаться со всеми вами.

Она взглянула на меня по-матерински, и в ее взгляде ясно читалось сочувствие тому, как много мне еще предстоит узнать о взрослой жизни.

– Хочу с ним увидеться, – Эдди кивнула и посмотрела мне прямо в глаза. – Чтобы расставить все точки над «и».

Расставить точки над «и»? Ничего подобного. Увидеться и посмотреть ему в глаза? Да.

– Это здорово.

Я поставила поднос на кровать и встала.

– Пойду на пробежку. Тропинка вокруг карьера ведь еще не заросла?

– Нет, насколько я знаю.

В противоположном конце моей по-новому отделанной комнаты находилась дверь в маленький чулан, где я вчера бросила сумку с вещами. Туда я и направилась.

– Фэллон, ты всегда спишь в трусиках и футболке, которая даже попу толком не прикрывает? – смеясь, поинтересовалась Эдди.

– Да, а что?

На несколько мгновений, что понадобились, чтобы наклониться за сумкой, в комнате повисла тишина.

– Хорошо. В конце концов, Мэдока здесь нет, – пробормотала Эдди милым голосом и оставила меня одну.

Одеваясь, я разглядывала свою старую комнату, в которой был сделан свежий ремонт.

Вчера вечером, когда Эдди проводила меня сюда, я не смогла узнать ее. Не было больше моих скейтерских плакатов, вся мебель стояла на новых местах, а красные стены стали кремовыми.

Кремовый цвет? Да уж.

У меня была целая стена, полностью залепленная наклейками на бампер. Теперь на ней красовались банальные фотографии Эйфелевой башни и мощеных французских улочек.

Постельное белье было светло-розовое, а кровать и гардероб стали белыми.

Стол для рисования вместе со всеми рисунками, полки с лего-роботами, CD- и DVD-диски – все исчезло. Не могу сказать, что скучала по всему этому последние два года, но чуть не разревелась, увидев перемены. Возможно, потому, что мне было тяжело принять тот факт, как легко мою прошлую жизнь вынесли на помойку.

– Твоя мать сделала ремонт почти сразу после твоего отъезда, – объяснила мне Эдди.

Разумеется, она сделала.

Всего на каких-то пару минут я позволила грустным воспоминаниям увлечь себя.

Но быстро пришла в себя. Да пошло оно все к черту! В конце концов, надо признать, что теперь моя комната больше походила на комнату взрослого человека, да и у мамы со вкусом все в порядке. Никаких тебе обоев в цветочек. Шторы и постельное белье в мягких розовых тонах, мебель в невинно-романтическом стиле и черно-белые фотографии в ярких рамках заставили меня почувствовать себя настоящей женщиной.

Но я все равно готова была убить маму за то, что она выбросила все мои вещи.

Больше всего в браке моей матери с Джейсоном Карутерсом мне нравился его дом, располагавшийся в Севен Хиллз Вэлли, огромном закрытом коттеджном поселке. Если, конечно, его можно назвать поселком, ведь до ближайших соседей как минимум полмили езды.

Богачи любят простор. А еще они любят окружать себя красивыми женщинами и красивыми вещами. Даже если ничем из этого не пользуются. Думая об отчине, я сразу вспоминала Ричарда Гира в «*Красотке*». Помните? Парень, который снимает пентхаус, несмотря на то, что боится высоты. На хрена ему тогда, спрашивается, пентхаус?

Джейсон Карутерс вел себя так же: скупал дома, в которых редко появлялся, машины, на которых не ездил, и женился на женщине, с которой не жил. Почему?

Я сама не могла найти ответ на этот вопрос. Может, ему было скучно. А может, он все еще был в поиске чего-то.

Или он просто богатый придурок, что тоже не исключено.

Честно говоря, моя мать была ничем не лучше. Патрисия Фэллон вышла за моего отца, Киарана Пирса, восемнадцать лет назад. Через два дня родилась я. А еще спустя четыре года они развелись, и с тех пор я чувствовала себя участником одной большой авантюры под названием «жени на себе богатого мужика». Она вышла за предпринимателя, но его бизнес прогорел. Потом – за капитана полиции, но его работа оказалась недостаточно высокооплачиваемой для моей мамы.

Правда, через него она познакомилась со своим нынешним мужем. Карутерс был именно тем, кого она искала: при деньгах и с высоким статусом.

Конечно, отец тоже отвечал этим требованиям. Но в жизни ему приходилось слишком часто нарушать закон, и, чтобы обезопасить семью, он старался держаться от нас подальше. А это никак не укладывалось в тот образ жизни, который мечтала вести мамаша.

Несмотря на абсолютный эгоизм, который двигал всеми ее решениями, я была довольна тем, где, с кем и как она осела. Мне тут нравилось. Всегда нравилось.

Дом Карутерса находился вдалеке от больших дорог и густонаселенных районов. Я обо- жала бегать, да и просто гулять по тихим, уединенным улочкам, но еще больше мне нравилось, что поселок вплотную примыкал к огромному парку, где ряды деревьев соседствовали с глу- бокими карьерами. Песчаник, зелень и идеально голубое небо над головой делали это место великолепным. Я могла пропадать там часами.

Капли пота стекали по шее. Я выудила футболку из груды белья на полу. В наушниках играла *музыка*. Я выбежала на тропинку, стараясь не жмуриться. Отец терпеть не мог, когда я бегаю в одиночестве. Его жутко раздражало, что мои пробежки проходят в тихом, безлюдном месте. Его голос эхом отдавался в голове: «*Смотри, куда бежишь, и береги себя!*».

Он даже заказал мне партию беговых шортов с кобурой для пистолета на спине, но я отказалась их носить. Если он хочет, чтобы я привлекала к себе как можно меньше внимания, то это явно была плохая идея.

Он ответил, что, если я буду бегать в белье, рано или поздно найдется кто-нибудь, кто среагирует на это как на красную тряпку. *И тогда мне придется постоять за себя. То есть причинить вред другим людям. А я терпеть этого не могу.*

Вообще-то, я не бегаю в белье. Что такого в беговых шортах из спандекса и спортивном топике? Тем не менее вид у меня был довольно вызывающий.

Поэтому мы пошли на компромисс. Отец дал мне специальный браслет, в котором были спрятаны маленький карманный нож и перцовый баллончик. Выглядел он довольно убого. Зато отец был спокоен, пока я его носила. А мне было несложно надевать его на пробежки.

Я внимательно смотрела на тропинку перед собой – папа плохого не посоветует – и заме- тила девушку. Она стояла между тропинкой и прудом и смотрела на воду. Плотно сжав губы, она шмыгнула носом. Тут я заметила, что у нее дрожит подбородок. Замедляясь и переходя на шаг, я окинула ее взглядом. Одета она была почти так же, как и я: шорты для бега и спор-

тивный лифчик. И, насколько я могла заметить, она не была травмирована. Вокруг больше не было ни бегунов, ни других людей. Она просто стояла и, прищурившись, смотрела на легкую рябь на воде.

– Хорошая музыка, – воскликнула я, услышав, что играет у нее в плеере.

Она резко обернулась и вытерла пальцем слезинку в уголке глаза.

– Что-что? – она вынула из ушей наушники.

– Хорошая музыка, говорю, – повторила я.

Из ее наушников доносилась *Paradise City Guns N' Roses*.

Она усмехнулась, и на заплаканном лице появилась легкая улыбка.

– Люблю старый рок.

Она протянула мне руку.

– Привет, я Тэйт.

– Очень приятно, Фэллон.

Я ответила на рукопожатие.

Она кивнула и отвернулась в сторону, пытаясь незаметно вытереть остатки слез.

Тэйт. Подождите-ка... светлые волосы, длинные ноги, большая грудь...

– Ты Татум Брандт, – вспомнила я. – Ты из Шелбернской школы?

– Да.

Она обернула провод от наушников вокруг шеи, чтобы не уронить их.

– Извини, я тебя не помню.

– Все нормально. Я проучилась там всего два года и перевелась в другую школу.

– А куда?

Она смотрела прямо в глаза, когда говорила со мной.

– В интернат на востоке отсюда.

Она подняла брови.

– Интернат? И как он тебе?

– Он католический. Насквозь католический.

Она покачала головой и улыбнулась, будто с трудом могла поверить моим словам. Или, может, ей казалось, что это нелепо. Словно в ее мире люди не сплавляют ненужных им детей в интернаты? Нет? Вот это действительно странно.

Легкий ветерок гонял листья по тропинке, приятно обдувая тело, изнывающее от жары.

– Значит, ты приехала сюда на лето? Или на совсем? – спросила Тэйт, опускаясь на траву и поднимая глаза на меня. Мне идея понравилась, и я уселась рядом.

– Нет, всего на недельку. Потом поеду в Чикаго, мой колледж там неподалеку. А ты?

Она опустила глаза, и улыбка исчезла с ее лица.

– Я собиралась в Колумбию. Но уже не получится.

– Почему? Это же отличная школа. Я бы тоже туда подалась, но отец не хочет, чтобы я училась рядом с Бостоном. Он говорит: чем дальше я буду находиться от него, тем это безопаснее.

– У моего отца тоже... проблемы.

Она оперлась на локти и продолжила смотреть на пруд. Я видела, что ее ресницы до сих пор влажные.

– Причем, видимо, уже давно. Думаю, стоит держаться поближе к дому.

– Наверно, сложно отказаться от мечты поступить в Колумбию, – предположила я.

Она выпатила нижнюю губу и покачала головой.

– Я стараюсь об этом не думать. Когда в тебе нуждается кто-то, кого ты любишь, остальное не имеет смысла. Жаль только, что он не рассказал мне раньше. У него было целых два сердечных приступа, а я узнала о них, только когда случайно наткнулась на больничные счета. Он не хотел, чтобы я их видела.

Она вела себя так, будто у нее не было выбора. Как будто это просто. *Мой папа болен. Значит, я остаюсь.* Я завидовала ее решительности.

– Прости, я не знала.

Улыбнувшись, она выпрямила спину и потянулась.

– Надеюсь, ты еще не жалеешь, что остановилась поболтать со мной?

– Все нормально. И где же ты теперь собираешься учиться?

Я присмотрелась к ней внимательнее и заметила маленькую татуировку сзади на шее. В том месте, где она переходит в плечо. Изображение было небольшим, но я смогла разобрать, что это черная лампа, а из нее вырывается пламя.

– Думаю, подамся в Юго-Западный, – ответила она. – Для моего уровня там неплохо, и езды отсюда всего около часа. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится этот вариант.

Я кивнула.

– Я тоже туда собираюсь.

Она удивленно подняла брови.

– Хм... ты тоже любишь старый рок типа *Guns N' Roses*, собираешься в Северо-Западный, у тебя симпатичная татуировка, – она показала на надпись *Out of Order*², набитую за ухом, прямо под линией роста волос, – и ты бегаешь. Скажи еще, что увлекаешься наукой, и я решу, что мы с тобой родственные души.

– Я занимаюсь механической инженерией, – пропела я в надежде, что это не такая далекая от науки область.

Она протянула руку, чтобы дать пять, и улыбнулась.

– Довольно близко.

Теперь она улыбалась гораздо чаще, чем когда я видела ее в последний раз. Либо два этих придурка оставили ее в покое, либо она все-таки поставила их на место.

– Знаешь что? – начала она, вставая с земли и отряхиваясь. – У моего друга завтра вечером вечеринка. Приходи. Если придет незнакомая симпатичная девушка, он точно не будет против. Правда, не исключено, что тебя заставят прямо на входе избавиться от нижнего белья, но я вступлюсь за тебя, если что.

Я тоже встала.

– Похоже, он тот еще оторва.

– Пытается им быть.

Она пожала плечами, но от моих глаз не ускользнула едва заметная гордая улыбка. Она взяла у меня из рук телефон и набрала какие-то цифры.

– Смотри, я позвонила сама себе. Теперь у тебя есть мой номер, если соберешься, напиши мне. Я пришлю время и место.

– А у кого эта вечеринка? – спросила я, убирая телефон.

– Она будет в доме Мэдока Карутерса.

Я закрыла рот и сглотнула от одного только упоминания его имени. А Тэйт продолжила.

– Вообще он требует, чтобы девушки приходили в бикини, но если дать ему по яйцам, он заткнется.

Она прикрыла глаза, словно извиняясь за то, что сказала.

– Он один из моих лучших друзей. Просто нужно время, чтобы к нему привыкнуть, – объяснила Тэйт.

Лучших друзей? Что?

Мое дыхание участилось. Значит, Мэдок планировал на завтра вечеринку?

Тэйт сделала шаг назад и уже собиралась уходить.

² Вне закона (англ.).

– Надеюсь, что до завтра!

Когда она ушла, я все еще стояла на месте как вкопанная, бесцельно блуждая взглядом влево-вправо. Мэдок и Татум Брандт – друзья?

Как так, черт возьми, могло получиться?

– Мне нравится сережка у тебя во рту. Я слышал, что пирсинг языка может доставить дополнительное удовольствие не только при поцелуях...

Он держит меня за волосы, и я чувствую на щеке его горячее дыхание.

– Так ты на самом деле плохая девочка или только прикидываешься? Покажи мне.

Даже не знаю, что заставило меня так переполошиться. Тошнота, волной прокатившаяся по желудку, или, наоборот, тревожное, но приятное ожидание, приводящее нервы в тонус.

Тошнота и волнение. Головокружение и трепет. Почему я чувствовала и то и другое одновременно?

Я знала, что тошнит меня, потому что я спала. Но волнение? Жажда острых ощущений?

И это после того, как он разбудил меня посреди ночи. В комнате почувствовалось легкое движение ветерка из коридора. Сердце забилося быстрее, захлопали крыльями бабочки в животе... Я напряглась, потому что в этот раз я едва могла сопротивляться своему возбуждению.

Дверь моей спальни была открыта!

Я широко открыла глаза и вытянулась на кровати. Сердце колотилось уже где-то в горле, мешая дышать.

Темная фигура стояла в дверном проеме. Я чуть было не закричала, но быстро закрыла рот.

Я знала, кто это, и определенно не боялась ночного гостя.

– Мэдок, – выдохнула я. – Пошел вон.

Глава 3

Мэдок

Я облокотился на косяк и поднес к губам бутылку пива.

Она была права. Нужно было выметаться. *Остаться – это очень плохая идея, чувак.*

Но почему-то мне нужно было собственными глазами убедиться, что она здесь.

Не то чтобы я в это не верил. Отец меня предупредил, а Эдди подтвердила. Но чтобы осознать тот факт, что Фэллон Пирс вернулась сюда спустя столько времени, мне нужно было увидеть ее самому.

Утром я проснулся в жутком похмелье, в котором виновата была, конечно же, она, убедился, что все еще спят, и поехал к себе домой. Я не планировал врываться к ней в комнату, даже заходить не хотел, но любопытство победило. Какая она теперь? Изменилась ли? Хотелось мне этого или нет, ответы ждали меня за дверью.

Она протянула руку и взяла с прикроватной тумбочки очки в черной оправе. Той ночью лунный свет едва пробивался сквозь облака, так что я видел только ее силуэт.

– Значит, ты действительно вернулась.

Оттолкнувшись от косяка, я неторопливо подошел к краю ее кровати.

– Тебя здесь быть не должно. Эдди сказала, что ты поживешь у друзей.

Что за хрень?

Да, они были правы. Она действительно меня боялась. Но почему? Что я ей сделал плохого?

Я попытался разглядеть ее в темноте. Она была одета в темно-синюю футболку с какой-то яркой белой надписью, которую невозможно было прочитать, а волосы были беспорядочно разметаны по подушке. Раньше у нее был пирсинг, но теперь я его не увидел.

– Это дом моего отца, – тихо сказал я и выпрямил спину. – И в один прекрасный день и дом, и все остальное станут моими, Фэллон.

– Но не я. Я тебе не принадлежу.

– Ну да, – отмахнулся я. – Везде побывал. Все посмотрел. Футболку получил. Спасибо, до свидания.

– Убирайся, – твердым голосом приказала Фэллон.

Я снова отхлебнул пива.

– Видишь ли, Фэллон, дело в том, что... Я же предупреждал, если хочешь, чтобы я держался от тебя подальше, запирай на ночь дверь. Но, как это ни удивительно, ты... – я наклонился к ней, – никогда... этого... не делала.

Одним ловким движением она сбросила с себя одеяло и встала на кровати в полный рост. Подойдя к ее краю, она отвесила мне пощечину быстрее, чем я успел сообразить, что происходит.

Меня это только рассмешило. *Да, детка.*

Я остался стоять на месте, но от удара повернул голову и рефлекторно закрыл глаза. Сначала в одном месте начало слегка покалывать, но потом это ощущение распространилось дальше. Я держал глаза закрытыми несколько секунд дольше, чем следовало, наслаждаясь моментом.

Сейчас, стоя на краю кровати, она была сантиметров на пятнадцать выше меня. Я медленно повернул голову обратно и с нетерпением ждал, что же она еще сделает.

Фэллон нахмурилась.

– Мне было шестнадцать. Я была еще слишком глупой, чтобы понять, что стоит держаться от тебя подальше, – выпалила она. – Тогда я еще не знала, что у тебя член тоньше зуб-

ной щетки. И уж, поверь, последние два года без тебя я провела более чем неплохо. Можешь считать, что с этого момента дверь закрыта.

Она развернулась и направилась к изголовью кровати. Я не придумал ничего лучше, чем схватить ее за лодыжку и потянуть назад. Она полетела на матрас и приземлилась на живот. Я тут же перевернул ее на спину и прошептал ей на ухо:

– Думаешь, я теперь хоть пальцем к тебе прикоснусь? Знаешь, как я привык называть тебя? Подстилка с доставкой на дом. Ты всегда была под рукой, когда мне нужна была разрядка, Фэллон.

Она покрутила головой, чтобы посмотреть на меня, но я придавил ее всем своим весом, так что она ничего не могла с этим сделать.

– Не думай, что для меня это было чем-то большим, Мэдок. Мне было скучно, а то, как ты хвастался своим мастерством, меня веселило. Никогда так не смеялась.

Я не видел ее лица, но был уверен, что она это говорила с улыбкой.

– Но теперь я все прекрасно понимаю, – закончила Фэллон.

– Да? И что же ты такого узнала о жизни? – спросил я. – Распыляешься теперь так же, как твоя мать? Фэллон, ты была права. Ты ненормальная.

Я слез с кровати. Она перевернулась на спину и села. И тут я обратил внимание на то, во что она одета. На ней были лишь футболка и маленькие трусики.

Вот дерьмо. Я ненадолго закрыл глаза.

Член под баскетбольными шортами дернулся, и я сжал руку в кулак, чтоб вернуть себе контроль.

– Детка, не надо переоценивать свои возможности. Ты же не думаешь, что можешь вышвырнуть меня из моего собственного дома? Это я здесь живу, а не ты.

Ее грудь поднялась, а затем резко опустилась, глаза вспыхнули гневом. Вот оно, то, ради чего я жил последние два года! Хотя у нее и не было больше пирсинга на лице, о чем я, несомненно, сожалел, взъерошенные волосы были по-прежнему великолепны. По ночам они всегда выглядели именно так. Она все еще носила эти сексуальные очки, и я не мог заставить себя перестать думать о ее сильных стройных ногах.

Да-да, я побывал между ними.

А какой темперамент! Да, в ней на самом деле чувствовалась ирландская кровь.

– Мэдок!

Задержав дыхание, я развернулся и увидел Ханну в бикини, стоящую в дверном проеме.

– Джакузи готово, – сказала она, проводя руками по бедрам.

Я перевел взгляд на Фэллон. Она сидела на кровати и круглыми глазами смотрела на мою подружку.

Я улыбнулся.

– Позволяю тебе остаться здесь, – сказал я расслабленным голосом. – Можешь есть все, что найдешь, и пользоваться бассейном. А потом вали отсюда к чертям и научись наконец жить своей собственной жизнью.

Глава 4

Фэллон

Я отлично знала, какие чувства испытываю к Мэдoku. И прекрасно понимала, почему. Я его ненавидела. Ненавидела за то, что он со мной сделал. Но с чего бы, черт возьми, ему ненавидеть меня? Все утро эти мысли не выходили у меня из головы. Прошлой ночью Мэдок вел себя грубо, неадекватно. Он ясно дал понять, что презирает меня.

В прошлый раз мы так и не расставили точки над «и», но это не объясняет того, что с ним творилось. Он же получил, что хотел, верно?

Тогда почему он злился?

Я вытерла лицо, надела очки и стала спускаться вниз по лестнице, продолжая прокручивать у себя в голове слова, сказанные им прошлой ночью.

– *Думаешь, я теперь хоть пальцем к тебе прикоснусь? Знаешь, как я привык называть тебя? Подстилка с доставкой на дом. Ты всегда была под рукой, когда мне нужна была разрядка.*

Он никогда раньше не был таким жестоким. По крайней мере, пока мы не начали...

Раздался громкий крик и эхом прокатился по длинному коридору, ведущему к лестнице. Я остановилась.

– Мэдок, поставь меня на землю! – донесся голос Эдди с нижнего этажа.

Я скрестила руки на груди, потому что до меня вдруг дошло, что я в одной маечке и без лифчика, а Мэдок все еще в доме. Но я быстро опустила их обратно.

Он все еще здесь. *Это хорошо.* Он там, где и должен быть, зато теперь мне не придется капать на мозги Эдди, чтобы она пустила его в дом.

Опустив подбородок и расправив плечи, я снова двинулась вниз. Войдя на кухню, я увидела, что Мэдок стоит у Эдди за спиной и через ее плечо пытается залезть ложкой в тесто, которое она вымешивала. На его лице играла легкая улыбка, а в уголках глаз появились морщинки. Я остановилась, немного не доходя до них, и прищурилась.

«Прекрати улыбаться», – мысленно приказала я. И сощурила глаза еще больше. Он резко опустил ложку, зачерпнул какую-то массу шоколадного цвета и поднес ее ко рту, невзирая на отчаянные попытки Эдди прекратить это безобразие. Затем отвернулся, когда Эдди в шутку попыталась ударить его по голове, и они оба рассмеялись.

– Только попробуй еще раз туда залезть, маленький проказник! Я тебя такому не учила.

Она угрожающе потрясла в воздухе большой деревянной ложкой, разбрызгивая масло. Несмотря на фартук, несколько капель упало на ее белую кофточку.

Мэдок ей подмигнул и прямо с серебряной ложкой во рту пошел к холодильнику и достал тонизирующий напиток Gatorade.

Мой взгляд задержался на огромной татуировке шириной во всю спину, от плеча до плеча.

Сердце пропустило удар. *Это что, мое имя?* Я заморгала и покачала головой. Дурацкая идея. *Не может этого быть.* У него была набита надпись Fallen³, а не Fallon. Просто букву «е» немного подпортило изрыгающееся из нее пламя.

Несмотря на это, татуировка смотрелась отлично и добавляла ему сексуальности.

В те редкие моменты, когда мы с матерью разговаривали и речь заходила о татуировках, она не упускала возможности в красках описать мне, как я буду выглядеть лет в восемьдесят.

Да отлично я буду выглядеть.

³ Падший, порочный (англ.).

Мэдок был в джинсах, которые без ремня едва держались на бедрах. Футболки на нем не было. Будто, проснувшись, он забыл одеться до конца. Но кто я такая, чтобы судить его за это? Я стояла в дверях в пижамных шортах и маечке и выглядела куда непристойнее. На голове был абсолютный бардак: запутанная копна с колтунами равномерно покрывала спину и свисала на лицо.

Он был бодрым и свежим, а я казалась усталой и поникшей.

– Фэллон! – воскликнула Эдди, завидев меня. Я моргнула. – Ты уже встала.

Сложно было не заметить, что голос ее нервно дрожал.

Мэдок отвернулся от меня, но я заметила, что он на мгновение замер, перед тем как снова отхлебнуть Gatorade. Хотя быстро совладал с собой.

– Да-а-а, – протянула я. – Трудно спать, когда вы этажом ниже развели такую возню.

Мэдок повернул голову и через плечо взглянул на меня, приподняв бровь. Он явно был раздражен.

Парень медленно опускал глаза, разглядывая мой наряд. А может, просто хотел заставить меня почувствовать себя неловко. Мое лицо моментально залилось краской. Сначала он перевел взгляд на мою грудь, потом на живот, плавно дошел до пальцев ног и снова вернулся к лицу. В его глубоких голубых глазах читалось отвращение.

К тому же он поморщил нос, как вчера ночью. Но тогда он смотрел на меня пристально и без эмоций. Я крепко сжала зубы и постаралась выровнять дыхание. Да, он смотрит на меня сверху вниз, но это не должно меня задевать. Я давно научилась не реагировать на такие вещи.

В конце концов, сам Мэдок всегда сохранял спартанское спокойствие. Все время, что мы росли под одной крышей. Он никогда не кричал и никак не выражал свое недовольство, пока его не доводили до ручки. И никогда нельзя было знать наверняка, когда этот момент наступит. Эта его черта всегда меня пугала.

– Фэллон, Мэдок вдруг неожиданно приехал утром, – пустилась в объяснения Эдди. – Но он сейчас позавтракает с нами и уедет, так ведь? – она посмотрела на Мэдока, многозначительно подняв брови.

Он перевел взгляд на нее, потом снова посмотрел на меня довольными и озорными глазами и покачал головой.

– Не-а, – с удовольствием протянул он. – Мы с Фэллон вчера ночью поговорили. Все нормально, – он с довольной улыбкой посмотрел на меня. – У меня на лето куча планов, и для их воплощения очень нужен большой дом. Как раз такой, как этот. Верно, Фэллон? Так что я остаюсь, но мы будем вести себя прилично и держаться подальше друг от друга.

Закончив, он кивнул и взглянул на Эдди невинными глазами. Я миллион раз видела, как он делает такое беспечное, наивное лицо и легко получает то, чего хочет.

Думаю, эта способность только сыграет ему на руку, когда он пойдет по стопам отца и станет юристом. Убеждать людей можно не только словами. Язык тела, тон и правильно расставленные паузы не менее важны. Голос должен звучать естественно, поза – быть расслабленной. А еще нужно развлекать аудиторию резкой сменой тем. Чем чаще, тем лучше.

Смотрите, пауза закончится через три, два, один...

– Ну Эдди, – он слегка толкнул ее плечом. – Все же в порядке.

Мэдок подошел к ней со спины, обнял и прижал к себе. Все это время он не сводил с меня глаз.

– Так что давай ты успокоишься и просто доделаешь эти шоколадные панкейки. Я уже слона съесть готов.

– Мэдок! – громким шепотом пожурела его Эдди, не пытаясь скрыть улыбку.

Вот и все. Он победил. Или, по крайней мере, он так думал.

Я закашлялась.

– Да, Эдди, Мэдок все правильно сказал. Мы отлично поладим. Я тебе уже говорила вчера.

При этих словах Мэдок поднял брови. Могу поспорить, он не ожидал, что я стану ему подыгрывать.

– Через неделю меня здесь не будет. Я приехала, только чтобы вкусно поесть и попользоваться бассейном.

Это саркастическое замечание я произносила медленно и с расстановкой, глядя Мэдоку прямо в глаза. Похоже, я соскучилась по нашим играм больше, чем мне бы того хотелось.

– Куда ты потом поедешь? – спросил он, облокотившись на гранитную поверхность островка посреди кухни.

– В Чикаго. А с осени я буду учиться в Северо-Западном. А ты?

– В Нотр-Даме, – вздохнул он, вытянув губы в узкую полоску. В его голосе были слышны обреченные нотки.

Хотя нет, это была не обреченность. Скорее, смирение. Будто он проиграл сражение. Нотр-Дам – школа, в которой училась вся его семья. Отец Мэдока, тети и дяди... Даже его дедушка там учился. Мне было сложно представить, что он всерьез строил планы поступить куда-то еще, когда отец уже давно все решил за него.

– А, точно! – Эдди швырнула ложку в миску и вытерла руки о фартук. – Чуть не забыла отдать вам подарки в честь окончания учебного года.

Она прошла в дальнюю часть кухни и достала из шкафчика две какие-то штуки.

– Фэллон, я собиралась отправить тебе подарок по почте, но раз уж ты приехала... Вот, держите.

Она протянула нам с Мэдоком что-то непонятное, отдаленно напоминающее фонари. Снизу они были из черного пластика, а сверху торчала стеклянная капсула. У ее основания располагались шесть крутящихся дисков с буквами алфавита.

– Это же криптекс! – я улыбнулась Эдди, пока Мэдок смотрел на свой подарок как баран на новые ворота.

– Но... – он сдвинул брови, – ты же знаешь, что я всего лишь хотел увидеть тебя в купальнике.

– Да заткнись ты уже, – отмахнулась от него Эдди.

– Что это такое?

Он разглядывал головоломку, продолжая хмурить брови.

– Это головоломка, – пояснила Эдди. – Ты должен отгадать загадку, написанную на дне, и составить из букв ответ, вращая диски. Тогда он откроется, и можно будет забрать подарок.

Мэдок перевернул криптекс и прочитал вслух:

– «Рассыпалось к ночи золотое зерно, глянули поутру – нет ничего». Эдди, что это? – он поднял на нее глаза. – Нет, серьезно, что это?

Мэдок поднял криптекс высоко над головой и сделал вид, что собирается разбить его. Эдди подбежала и выхватила у него подарок.

– Только попробуй! – завопила она. Мэдок посмотрел на нее и рассмеялся. – Не смей разбивать его! Пошевели извилинами.

– Ты же знаешь, что это не мое.

И он начал крутить диски, пытаясь подобрать ответ.

Я прочитала про себя свою загадку. «Уж не солнце ль виновато, что плывет по небу вата?» *И это все?* Усмехнувшись, я за минуту собрала из букв слово «облако». Криптекс открылся, и я вытащила из капсулы подарочную карточку в скейтерский магазин, куда я регулярно навещалась, пока жила здесь.

– Спасибо, Эдди, – прошептала я.

Не расстраивать же ее тем, что я больше не катаюсь на скейте.

Я глянула на Мэдока. Он все еще стоял, наморщив лоб, и пытался наобум подобрать ответ. У него ничего не получалось. И чем дольше это продолжалось, тем глупее он себя чувствовал. Я подошла к нему и взяла его подарок. Когда мои пальцы коснулись его руки, у меня перехватило дыхание.

Я прочитала загадку и медленно повторяла ее вслух, набирая ответ.

– «Рассыпалось к ночи золотое зерно, глянули поутру – нет ничего».

Раздался щелчок. Я подняла глаза. Мэдок смотрел на меня, а не на криптекс.

– «Звезда», – сказала я заговорщицким шепотом.

Он не дышал и выглядел растерянным. Наверно, я выглядела так же каждый раз, когда смотрела на него снизу вверх, думая о вещах, о которых боялась спросить.

Но с тех пор много воды утекло, и мы стали другими. Теперь я хотела от него только одного: чтобы он страдал. Но, судя по девушке, которую он притащил домой прошлой ночью, он остался тем же. Продолжал использовать людей.

Я прикрыла глаза, всем своим видом демонстрируя, как мне скучно, и протянула ему открытый криптекс.

Он вдохнул полной грудью и улыбнулся. Напряжение в комнате медленно сошло на нет.

– Спасибо, – он повернулся к Эдди. – Видишь? Мы отлично ладим друг с другом.

Достав из капсулы подарочный сертификат на картинг, он вышел через стеклянные двери в просторный внутренний дворик с бассейном.

Я слотнула, пытаясь успокоить бурю в животе.

– Вот так просто? – спросила я у Эдди. – И ты теперь позволишь ему остаться, несмотря на то, что между нами было?

– Ты же сама сказала, что не против.

– Так и есть, – поспешила добавить я. – Просто я... Просто не хочу, чтобы у тебя потом возникли проблемы с работодателем.

Она улыбнулась уголками губ и стала наливать масло на сковородку.

– Ты в курсе, что Мэдок снова начал играть на пианино? – спросила Эдди, не сводя глаз с плиты.

– Нет, – ответила я, удивленная столь резкой сменой темы. – Должно быть, его отец в восторге.

Мэдок с пяти лет занимался музыкой: играл на пианино. Джейсон Карутерс мечтал, чтобы его сын овладел этим инструментом в совершенстве, но в пятнадцать лет (примерно в тот период, когда в дом переехали мы с матерью) Мэдок понял, что отец заставляет его играть, чтобы потом было чем похвастаться. Мистер Карутерс любил рисоваться и производить впечатление, а Мэдок не хотел становиться его орудием.

Так что он бросил играть. Наотрез отказался заниматься и угрожал, что сломает инструмент, если его не уберут с глаз долой. Поэтому его перенесли в подвал, и теперь он стоял там вместе с моей рампой.

Но меня всегда мучил вопрос...

Мэдок любил играть на пианино. Для него это было чем-то вроде отдушины. По крайней мере, мне так казалось. В основном он играл, когда готовился к занятиям музыкой, но если вдруг был чем-то сильно расстроен или, наоборот, счастлив как никогда, то первым делом бежал к инструменту.

Забросив музыку, Мэдок начал страдать от отсутствия такой отдушины и в результате стал творить глупости: пропадать где-то с этим придурком Джаредом Трентом, издеваться над Татум Брандт, воровать запчасти для авто... Правда, о последнем знала только я.

– Сомневаюсь, что его отец в курсе, – продолжила Эдди. – Мэдок по-прежнему отказывается брать уроки, а уж тем более выступать. По ночам, когда все спят и никто его не видит и не слышит, он спускается в подвал и играет, – она остановилась и посмотрела на меня. –

Но я слышу. Тихие переливы клавиш из подвала. Очень плохо, но слышу. Призрачные звуки, которые то ли есть на самом деле, то ли мне это чудится.

Я представила себе Мэдока, глубокой ночью играющего в подвале на пианино в полном одиночестве. Интересно, что он там играет? И почему?

Тут мне вспомнился тот Мэдок, что вломился ко мне посреди ночи. Тот, что открытым текстом обозвал меня шлюхой.

И сердце перестало колотиться как бешеное. Теперь оно билось ровно и размеренно.

– А когда он снова начал играть? – спросила я, глядя через стеклянные двери во внутренний дворик, где он говорил по телефону.

– Два года назад, – мягко ответила Эдди. – В тот день, когда ты уехала.

Глава 5

Мэдок

Теперь я понял, почему Джаред каждый вечер устраивал вечеринки, пока убивался по Тэйт. Отвлекаться полезно. Если какая-то мысль не дает тебе покоя, ее легко можно вытеснить выпивкой и девушками, заставив жизнь проноситься мимо со скоростью света. Но стоит ей немного замедлиться, как назойливые мысли снова полезут в голову и начнутся проблемы. Хотя им это все сыграло только на руку. Джаред изводил ее, и в один прекрасный день она дала отпор. Но он снова взялся за свое, и тогда она поставила его на место.

Мы с Фэллон во многом были на них похожи. Только я не любил ее, а она – меня. Было дело, я ею увлекся: мне нравилось, что она позволяла делать с собой то, о чем мечтает каждый мужчина, только достигший половой зрелости. Но мы не любили друг друга.

Мы оба были всего лишь детьми из долбанутой семьи и брали пример со своих больных на всю голову родителей.

Ни я, ни она не знали, что можно жить по-другому.

Наевшись панктейков, она ушла к себе в комнату, а я стал готовиться к вечеринке. Праздник должен был начаться после обеда и продлиться до последнего гостя.

С одной стороны, я надеялся, что она придет, но с другой – хотел, чтобы она держалась от меня подальше.

Фэллон странно влияла на мое тело.

Я убеждал себя, что *это потому, что она другая*.

В последний раз, когда я видел ее, она сладко спала на кожаном диване в домашнем кинозале, завернувшись в мою футболку. Помню, как она надула губы и почесала нос во сне. Тогда я еще подумал, насколько она невыносима днем и как привлекательна ночью.

В школе все ее принимали за фрика и думали, что она лесбиянка. И никто из парней не считал ее сексуальной.

Симпатичной – да. Несмотря на шапочки, которые она носила даже летом, и очки, вечно скрывавшие глаза.

Но не сексуальной. Их пугал ее пирсинг, а из-за ее манеры одеваться никто не хотел встречаться с ней.

Один я знал правду. Я видел ее без одежды – случайно, естественно – и знал, что под ней скрывается.

Но с тех пор прошло два года. И я больше не считал ее сексуальной. Теперь она была для меня смертельно опасной. Несмотря на ирландское происхождение, у нее была золотистая кожа с прекрасной россыпью веснушек на переносице и щеках. Она покрасила волосы. Если раньше они были невыразительного русого цвета, то теперь это был микс из трех оттенков каштанового со скромным светлым мелированием.

Цвет волос выгодно подчеркивал ее огромные зеленые глаза, и, когда я увидел Фэллон сегодня утром, в моем теле напрягся каждый мускул. Я возбудился от одного только взгляда на нее, когда она вошла в кухню в таком виде, словно ее всю ночь отменно трахали.

Да что со мной такое? Этот поезд ушел много лет назад, и она уже никак не могла испить свою вину.

– И чтобы никто не уезжал отсюда за рулем, – погрозила мне пальцем Эдди, пока я включал ноутбук и выносил во двор колонки, готовясь к вечеринке.

Я равнодушно кивнул и отправил ее восвояси.

– Иди лучше свой *«Секс в другом городе»* посмотри.

Она закатила глаза и поплелась вверх, в свою спальню на третьем этаже.

Нет, прислуга обитала в отдельной части дома не потому, что мы настолько зазнались. Собственно, кроме Эдди, у нас больше никого и не было. Третий этаж представлял собой отдельную квартиру со своей кухней, двумя спальнями, двумя ванными и гостиной. Так было не всегда, но отец переделал там все специально для Эдди, когда понял, что лучшей домработницы ему не найти.

Фэллон еще утром куда-то укатила на своем спортивном байке и вернулась около часа. Больше я ее не видел. В полчетвертого чуть ли не все ученики выпускных классов были у меня дома. Джекс приехал пораньше, чтобы помочь мне все подготовить и расставить еду, которую вот-вот должны были доставить. Я видел на парковке около дома машину Джареда. Это значило, что они с Тэйт были у себя в комнате. Я выделил им отдельную комнату, чтобы они могли спокойно проводить время вместе, не рискуя попасться на глаза отцу Тэйт.

Ну его на фиг. Они любили друг друга, а я любил их, как будто они были моей семьей, так что *mi casa es su casa*⁴.

– Давай, чувак, поторопись, – подгонял меня Джекс, пока нес кран для бочонка пива, а я тащил стаканчики. Гости уже наслаждались чудесным вечером: кто в доме, кто во дворе.

– Джемисон, – крикнул я Бену, который тусовался в бассейне с Кендрой Стивенс и уже активно ее клеил. – Даже не думай об этом, парень. Я уже побывал там, – поддразнил его я.

– Заткнись, Мэдок. Это все твои мечты, – ответила она и хлопнула рукой по воде в попытке меня обрызгать.

– Да ладно тебе, детка, ты была неплоха, – пожал плечами я, одновременно показывая Джексу, где бочонок. – Для толстушки ты даже не слишком сильно вспотела.

Бен выпучил глаза, а Кендра завопила:

– Мэдок!

Она закинула свои тощие ноги на надувной матрас и расплескала выпивку.

Я повернулся к Джексу. Он беззвучно покатывался со смеху, да так, что у него все лицо было красное.

Вытащив пробку из бочонка и засунув на ее место сопло, Джекс высыпал около пяти пакетов льда в короб, где стоял бочонок, а я начал сливать пену.

– Привет, Мэдок, – ко мне подошли Ханна и ее подруга Лекси. – Джекс, – кивнули ему девушки, и он кивнул им в ответ.

– Как поживаете, дамы? – спросил я, отхлебывая пиво.

– Как проводишь лето, Мэдок? – поинтересовалась Ханна с таким видом, будто мы не виделись прошлой ночью.

– Прекрасно. А ты?

– Тоже неплохо, – ответила она и положила руки на бедра, выпячивая грудь. – А у тебя как проходят каникулы, Джекс?

– Лучше не бывает, – промямлил он, продолжая высыпать лед.

– О, думаю, бывает гораздо лучше.

Она провела рукой ему по спине, и я увидел, как он напрягся. Ее намек трудно было не понять.

– Еще увидимся, – подмигнула ему Ханна, и они с Лекси растворились в толпе.

Я посмеялся про себя и сделал еще один глоток.

В школе на Джекса обращали все больше и больше внимания. Учítывая, что Джаред был занят, а я собирался уехать в колледж, это было неудивительно. Но я был уверен, что он справится с нагрузкой. Правда, он был человеком настроения. Время от времени превращался в хищника и работал по простому алгоритму «найти и уничтожить». А иногда вел себя так, будто лучше повыдергивает себе все ногти на ногах, чем поговорит с определенной девушкой.

⁴ «Мой дом – ваш дом» (исп.).

– Сопротивление бесполезно, Джекс, – я похлопал его по спине. – Не позволяй им напугать тебя. Просто расслабься и получай удовольствие.

– Дай мне передохнуть, – он выпрямился и отбросил в сторону пустой пакет из-под льда. – Я занимаюсь сексом дольше, чем ты. Просто такие девушки мне не по вкусу, – он уставился на толпу, окружавшую бассейн. – Они видят во мне игрушку.

Я протянул ему пиво.

– А что в этом такого?

У него дернулась челюсть, но голос остался спокойным.

– Просто мне это не нравится.

Нет, Джекс никоим образом не боялся женщин, и я знал, что у него была тяжелая жизнь.

Но я часто задавался вопросом, знаю ли я, что такое «тяжелая жизнь» на самом деле. Я много общался с Джаредом и Джексом, так что сложить «А» и «Б» и понять, что их бил отец, который теперь сидел в тюрьме, не составило большого труда. Причем Джекса – больше, потому что он с этим человеком вырос, в то время как Джаред провел с ним только одно лето.

Мрачные настроения Джареда были более заметны, и выражал он их более агрессивно. У Джекса они тоже были, но заметить их было не так просто. Он мог полночи пропадать неизвестно где, а потом вовремя прийти в школу как ни в чем не бывало. Обоих братьев переполняла злоба, но они по-разному с ней справлялись.

Если перейдешь дорогу Джареду, получишь удар в живот. Если перейдешь дорогу Джексу, он взломает полицейскую базу и добавит туда ордер на твой арест.

Если ударишь Джареда, он изобьет тебя до полусмерти. Бить Джекса никто не рисковал. Он всегда носил с собой нож.

– То ли дело вон та девчонка, – встрепенулся Джекс, указав направление, не выпуская из рук стакан. – Она выглядит как продавщица в магазине порнокинг. Кто это, черт возьми?

Я проследил за его взглядом. Из стеклянных дверей за бассейном только что появилась Фэллон.

Господи Иисусе. Какого черта?

Фэллон никогда не оголялась, не красилась и не делала укладку.

Какого дьявола она сделала все это сейчас?

К ней подошла Тэйт, взяла ее за руку и улыбнулась. Она провела Фэллон к одному из столиков и, кажется, собиралась представить ее Джареду.

Но Джаред уже знаком с Фэллон. А вот откуда ее знала Тэйт?

Глава 6

Фэллон

– Чувствую себя так, будто попала в альтернативную вселенную, – воскликнула я, когда увидела, с кем Тэйт собиралась меня познакомить. – Ты встречаешься с *ним*? – переспросила я, глазам своим не веря.

Сначала выяснилось, что эта девчонка дружит с моим сводным братом, а теперь оказывается, что она еще и спит со второй половиной дуэта говнюков.

М-м-м, я поняла. Кажется.

Мэдок был обаятельным и сексуальным. Джаред был просто сексуальным. Мэдоку повезло больше. Тэйт взяла на себя миссию по перевоспитанию этих засранцев?

– Что ж, – сказала Тэйт, присаживаясь за стол напротив Джареда, – она не твоя фанатка, значит, по крайней мере, она с тобой не спала. Уже неплохо.

Джаред развалился на стуле. Он явно чувствовал себя в своей тарелке. Одетый в черные купальные шорты до колен, он водил указательным пальцем по губам и внимательно меня разглядывал.

Не особо утруждая себя тем, чтобы скрывать эмоции, я скрестила руки на груди и постаралась не говорить слишком резко.

– В последний раз, когда я видела вас двоих вместе, он довел тебя до слез, – напомнила я и стала ждать ответа.

Тэйт, стоявшая справа от меня, фыркнула, а Джаред улыбнулся сквозь пальцы.

– С тех пор мой характер сильно изменился в лучшую сторону, Фэллон. С тобой, похоже, этого не случилось. Начнем все с чистого листа?

Он протянул мне руку. Я некоторое время посомневалась, заставляя всех почувствовать себя неловко.

Но все-таки пожала руку.

Какая разница? Если девочка счастлива – а она выглядела счастливой, – то это не мое дело.

Они были красивой парой. Он выглядел все так же, только стал выше и больше, а на ней были сексапильные красные трусики от купальника и спортивный топик с коротким рукавом.

– Привет, мужик.

Джаред кивнул кому-то у меня за спиной, и я почувствовала, как кто-то навалился на спинку моего стула. Но нет, никто ко мне не прикасался.

– Тэйт, – спросил голос Мэдока у меня за спиной, – откуда ты знаешь Фэллон?

– Мы встретились вчера на пробежке в парке. Я пригласила ее на вечеринку. Надеюсь, ты не возражаешь? – Тэйт улыбнулась мне и продолжила: – Но она мне не написала, так что я не была уверена, что она придет. А вы, ребята, откуда ее знаете? Еще со школы?

– Фэллон живет в моем доме, – попытался поддеть меня Мэдок.

– Наши родители женаты, – объяснила я и повернулась к Мэдоку. – Но мы не дружим. И никогда не дружили.

Мэдок прищурился, как будто срочно пытался придумать остроумный ответ.

– Я вижу твой лифчик, Фэллон.

Он вздохнул и посмотрел в сторону, делая вид, что ему скучно.

Я знала, что он видел мой лифчик. Его все видели. Так и было задумано. Я не собиралась купаться, поэтому надела черный бюстгальтер с замысловато устроенными бретельками: они уходили за спину, перекрещивались и снова спускались вперед через плечи. Такое белье не прячут под одеждой, поэтому сверху я надела свободную маечку с глубоким вырезом, в

которой отлично было видно лифчик. С черными шортами и шлепанцами она смотрелась эротично. А из аксессуаров на мне были только сережки в ушах и очки. Я уже поймала несколько заинтересованных взглядов и была уверена, что это выведет Мэдока из себя. Я понимала, что он сделает все ради того, чтобы я не досталась никому другому.

– Тебе-то какое дело? – я злорадно улыбнулась. – Тэйт, скажи ему, что я выгляжу сексуально.

– Я бы ей дала, – поддержала меня Тэйт.

Из-за спины донесся смешок Джареда.

Мэдок смотрел на меня с таким видом, будто собирался взять на «слабо». Он хотел поиграть, но еще не был готов признаться в этом.

Сложив руки под грудью, чтобы подчеркнуть ее наличие, я наклонилась к нему и прошептала:

– Помнишь, чем все закончилось, когда я в прошлый раз пришла на твою вечеринку без приглашения? До сих пор вспоминаешь и пускаешь слюнки, да?

Мэдок тяжело задышал, но промолчал, продолжая буравить меня взглядом.

– Мэдок, да ладно тебе! – я повернулась направо и пошла к бассейну. – Это же вечеринка. Не будь занудой.

И я повернулась к нему спиной, несмотря на то, что чертовски жалела, что не могу видеть его лицо в этот момент. Собрав волю в кулак, я стянула майку через голову и уронила на землю шорты. Разговоры вокруг резко прекратились. Я на секунду остановилась, чтобы глубже вдохнуть. Вокруг все оторвалось от своих дел и разговоров, чтобы посмотреть на меня в нижнем белье.

На самом деле вокруг было много девушек, одетых куда более откровенно. Хоть мой лифчик и был нарочито сексуальным, он, по крайней мере, полностью прикрывал грудь, а трусики шортиками не выставляли напоказ попу. Но это все равно было нижнее белье.

У меня задрожали руки. *Что я творю?*

Я не собиралась устраивать представление. И оделась так, чтобы привлечь его внимание, а не всех вокруг. Но если мне хотелось, чтобы он повел себя так же, как два года назад, когда я появилась на его вечеринке, этот шаг был необходим. Я хотела, чтобы он разозлился, вышел из себя. Хотела спровоцировать его.

– Тэйт, – я обернулась, стараясь не встречаться взглядом с Мэдоком, – тащи свою задницу в бассейн. Поболтаем про Северо-Западный.

Она подняла брови и заморгала, словно не зная, что мне ответить.

– М-м-м, ну ладно.

Тэйт отодвинула стул, встала и двинулась за мной. Я тем временем уже нырнула в бассейн.

Плывать мы с Тэйт не собирались. Просто бесились и смеялись. Время от времени кто-то прыгал бомбочкой в бассейн или какая-нибудь идиотка позволяла своему парню ее туда столкнуть. Я специально не искала глазами Мэдока, хотя была уверена, что он где-то рядом. То тут, то там иногда мелькали его дурацкие шорты в черно-серую клетку.

Ладно, может, не такие уж и дурацкие. Мэдок умел носить вещи, что не каждому дано. Помню, как я ненавидела его одежду, пока жила здесь: всегда чистую, аккуратную, всю от модных брендов.

Но потом поняла, что это всего лишь часть его образа. Вечерами, когда он ходил по дому только в джинсах, то становился совершенно другим парнем: сильным, властным, моим.

Похоже, не я одна видела лучшую сторону Мэдока, раз Татум Брандт считала его другом. Насколько я могла судить, она была честолюбивой и ко всему подходила с умом.

Должна признать, что, общаясь с ней, Джаред перестал быть таким придурком, каким я его запомнила. У него была симпатичная татуировка: роскошное дерево практически во всю спину. Все мои татуировки были маленькими.

Я все же вынуждена признать, что Джаред заслужил ее любовь. Он не сказал ей ни единого грубого слова, не разговаривал с другими девушками и всегда прикасался к ней, когда она оказывалась рядом. То за плечо приобнимет, то по спине погладит, то в лоб поцелует.

И эти люди были лучшими друзьями Мэдока. Мне было приятно находиться в их компании. Во всяком случае, они меня не раздражали.

Я вылезла из бассейна, вытерлась, переоделась и налила себе пиво из бочонка. Джаред и Тэйт тем временем присоединились к Мэдоку с какой-то блондинкой у костра.

Солнце уже село, но еще не было холодно. Только легкий ветерок покачивал деревья. Вечеринка была в разгаре, но народ потихоньку начинал расходиться. Кто-то ушел в дом, смотреть кино или играть в видеоигры, остальные разбрелись кто куда. Могу поспорить, несколько спален были уже заняты.

– Интересно, откуда у Мэдока вдруг взялась сестра? – донесся до моих ушей низкий, бархатный голос.

Я оторвалась от крана и открыла рот от изумления, не в силах поверить своим глазам.

Твою мать.

Передо мной стоял парень – явно младше меня – неопишущей красоты. Кто же это, черт возьми?..

Гладкая кожа, строгий, грубо очерченный подбородок и высокие скулы. Прямые брови под небольшим углом только подчеркивали потрясающие голубые глаза, и без того заметные на фоне загорелой кожи. Или, может, он от природы такой смуглый. У него были длинные каштановые волосы, собранные в хвост.

Татуировок я на нем не заметила. Впрочем, они ему и не нужны. С его ростом и фигурой прятать тело под татуировками было бы просто преступлением. Хотя стоит признаться, что смотреть на него так, как я, тоже было преступлением. Я слегка охладила пыл, надеясь, что за очками он не заметил, с каким видом я на него пялилась.

– У Мэдока нет сестры, – я поджала губы. – Кто ты такой?

– Джексон Трент, – непринужденно ответил он. – И не переживай, я не собираюсь к тебе клеиться. Думаю, тогда мне пришлось бы встать в очередь после того, как ты всему миру показала свое бельё.

Он улыбнулся, и глаза его заблестели.

– Я оценил твою смелость. И просто решил подойти познакомиться.

– Твоя фамилия Трент? Как у Джареда?

Я отхлебнула пива и снова уставилась на него.

– Да, он мой брат.

Он сказал это с такой гордостью, что отвечать сарказмом было бы бессердечно.

– Мне нравятся твои сережки, – он жестом указал на мои уши. – Это ты вдохновила Мэдока?

– Вдохновила на что?

Мы медленно двинулись в сторону костра. Мои сланцы громко шлепали по лужам около бассейна.

– На пирсинг, – ответил он, переходя на шепот. – Ходят слухи, что он что-то себе проколол, но никто не видел, что. Тэйт думает, что это Принц Альберт. А я склоняюсь к тому, что Лестница Иакова. Мэдок живет по принципу «все или ничего».

Пирсинг? У Мэдока? После того, как этот придурок всю жизнь издевался над моим? Я горько усмехнулась.

– Я бы не хотела это знать.

– А нам это прямо покоя не дает, – улыбнулся он, и мы присоединились к группе людей, сидящих вокруг костра.

Во дворе были джакузи с подогревом и место для костра, так что устраивать вечеринки на улице можно было в любое время года.

В костре горела всего пара поленьев, заливая все вокруг мягким светом. Языки пламени плясали в сумерках, отражаясь в наших глазах и красиво играя на лицах.

Джаред сидел на земле, прислонившись к большому камню, а Тэйт удобно устроилась у него между ног, прижимаясь спиной к его груди. Мэдок тоже был не один. Он сидел на низком стуле напротив меня, и между ног у него тоже пристроилась девушка.

Впрочем, ничего удивительного.

Он обхватил ее за шею, но скорее нежно, чем агрессивно. Он слегка поглаживал ее, водя по кругу большим пальцем. Она смотрела на огонь и время от времени закрывала глаза от удовольствия, явно наслаждаясь его вниманием.

Я смотрела на его пальцы, очарованная тем, как она таяла в его руках. Он был нежным и внимательным, а его движения – мягкими и медленными, собственническими. Внизу живота появилось давно забытое ощущение. Я сжала бедра, чувствуя все тот же жар.

Тогда я подняла глаза. И что-то сжалось у меня в груди.

Он смотрел на меня. Я замерла. Его взгляд был совсем не таким, как обычно. Все веселье испарилось. От коварства не осталось и следа. Он молчал, но игра уже началась.

Маски были сорваны.

Из динамиков заиграла *Whore* группы *This Moment*, и я пристально посмотрела ему в глаза. Он тоже пронзил меня взглядом. Я пошевелила языком, потому что во рту вмиг все пересохло.

Он прикасался к ней, но не сводил глаз с меня, и каждый раз, когда он проводил пальцем по ее подбородку или гладил щеку, я ощущала легкое покалывание.

Я моргнула, оборвав зрительный контакт.

– Ты еще катаешься на скейте?

Я опять моргнула, услышав далекий раскат грома.

– Извини, что ты сказал? – переспросила я, переключая внимание на Джекса.

Дыши, Фэллон. Просто дыши.

– У тебя скейтерская татуировка на внутренней стороне запястья, – он показал, где. – Это твоя рампа с резким углом стоит в подвале?

Моя рампа? Он ее видел?

– Она все еще там? – переспросила я, не веря своим ушам. В это сложно было поверить.

Он кивнул.

– Да, рядом с пианино.

Я быстро опустила взгляд.

Как странно. Если все мои вещи отправили в мусорный контейнер, то в чем смысл оставлять громоздкую рампу, которая занимает место? Очень много места. Я уже собиралась узнать у Джекса, не было ли там еще и скейтбордов, в надежде, что Мэдок или кто-нибудь из его друзей оставили их, чтобы самим кататься, но он уже заговорил с каким-то парнем, сидящим по другую сторону от огня.

Тэйт потрепала меня по плечу, и я повернулась к ней.

– Что у вас с Мэдоком?

Она пыталась говорить как можно тише, но Джаред стрельнул в меня глазами, услышав ее вопрос.

– Создается ощущение, что вы друг друга недолюбливаете.

Я бросила беглый взгляд на Джареда, пытаюсь понять, рассказал ли ему Мэдок о том, что было между нами, но он уже нас не слушал.

– Просто мы никогда не ладили, – как ни в чем не бывало пожала плечами я. – Ты же помнишь, как эти двое вели себя с тобой, когда я была здесь в прошлый раз, – попыталась отшутиться я, показывая в сторону Джареда и Мэдока. – Уверена, ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Она улыбнулась и наклонила голову, глядя на своего бойфренда.

– Да, понимаю, – ответила она и вдруг посмотрела на меня строгим взглядом. – Но еще я прекрасно знаю, что у любой медали есть и обратная сторона. Так что вам нужно поговорить.

– Да мы с трудом можем в одной комнате находиться.

Мэдок сидел на том же месте, переводя взгляд то на Тэйт, то на меня, и это могло означать только одно. Он был взбешен. Может, он гадал, о чем мы разговариваем, а возможно, просто не хотел видеть меня здесь.

Черт, да естественно, он не хотел меня здесь видеть – потому я и пришла. Слева от меня чей-то разговор перешел на повышенные тона, и я оторвала взгляд от Мэдока.

– Думаю, если тебе яиц не хватает выйти на трассу самому, то не лучше было бы заткнуться?

Парень, находившийся рядом с Мэдоком, вступил в перепалку с Джексом, который сидел рядом со мной.

– Чтобы обогнать кого? – усмехнулся Джекс. – Тебя? М-да, куда ж мне до тебя? Я выйду на трассу, только если будет достойный соперник.

– Не знаю, чего ты хочешь от меня, Джекс, но меня уже доста...

– Хочешь знать, чего я хочу? – нахально перебил его Джекс. – Я хочу, чтобы твоя подружка вытерла с губ свой вульгарный розовый блеск и прыгнула ко мне в машину. Вот чего я хочу.

Я перевела взгляд на сидевших вокруг костра ребят. Со всех сторон от огня слышались смешки. Мэдок тоже беззвучно рассмеялся, качая головой. Тело Джареда сотрясало от смеха, и он уткнулся в шею Тэйт, чтобы это не было так заметно.

Тэйт перехватила мой растерянный взгляд и все объяснила.

– Это Лиам, – прошептала она. – Он парень Кейси.

Она показала на симпатичную темноволосую девушку, сидящую рядом с Лиамом, которая в ступоре уставилась на свои колени.

– В прошлом году он ей изменил, но теперь они снова вместе. Джекс ничего не говорил, но, думаю, он...

Хочет ее. Я закончила мысль Тэйт у себя в голове. Ну, раз он ее хочет, почему не подкатит к ней? Ясно же, что отбить девушку у ее парня не составит труда.

Лиам крепко сжал зубы, поглядывая то на Джекса, то на свою подружку, которая сидела в недоумении и, казалось, была готова сквозь землю провалиться.

– Между вами что-то есть? – поинтересовался он у Кейси.

Она поджала губы и сглотнула, пряча глаза.

– Конечно, нет!

Все с интересом наблюдали за Джексом и Лиамом, включая Джареда и Тэйт. Даже Мэдок улыбался, хохотал или, наоборот, замирал, в зависимости от того, шутил Джекс или получал оскорбления. Тогда я поняла, что они действительно были практически семьей и горой стояли друг за друга. Мэдок смотрел на Джекса с улыбкой. Видно было, что он гордится им как брат, да и с Тэйт они вполне находили общий язык. В этих людях Мэдок нашел то, чего ему так не хватало, – семью.

Кейси молчала, время от времени стреляя глазками в сторону Джекса. Она казалась такой ранимой. Когда-то я была такой же.

Но и в страданиях есть своя прелесть. Мне было больно, и пришлось горы свернуть, чтобы пережить это. Но то, что нас не убивает, делает только сильнее и злее, чем раньше.

Взмахнув руками, я покачала головой. Хватит с меня этой идиотской комедии.

– Воу, – влезла в разговор я прямо посреди очередного тупого комментария Лиама. – То есть ты в прошлом году обманул свою девушку, – я сделала паузу и помахала Кейси. – Привет, Кейси, меня, кстати, Фэллон зовут, – а потом перевела взгляд обратно на Лиама. – А теперь сам переживаешь, что она сделает то же самое? По-моему, она достойна лучшего парня, чем ты.

Опять послышался смех, и Кейси заерзала на месте. Ей было крайне неудобно.

Сдвинув брови, девушка встала и вдруг замешкалась, не зная, что предпринять. Я обратила внимание, как нервно она поглаживала большим пальцем обратную сторону ладони другой руки.

– Я уезжаю домой, – Кейси схватила футболку и натянула ее прямо поверх купальника. – Всем пока.

Она спустилась по каменным ступенькам к бассейну, и я заметила, как Джекс сжал кулаки, когда Лиам встал с места и подошел к нему.

Он наклонился и навис над Джексом, который сидел на земле, обнимая колени. Джекс поднял голову и ждал продолжения.

– Лиам, оставь его в покое, – вдруг низким голосом скомандовала Кейси, что меня порядком удивило.

Я перевела взгляд на ее парня и увидела, как загорелись его глаза.

Лиам не обратил на нее никакого внимания и начал шепотом угрожать Джексу.

– Она моя.

– Только пока я на нее не претендую.

Лиам подорвался и побежал за Кейси через весь дворик. Нам всем стоило огромного труда не рассмеяться вслух.

Тогда я очень хорошо поняла одну вещь: может, я и ненавижу Мэдока, но друзья у него прекрасные.

Глава 7

Мэдок

Я был готов придушить ее.

Не девушку, сидящую у моих ног, которую я обнимал за шею, представляя, что это Фэллон, а саму Фэллон.

Девчонка чувствовала себя на моей вечеринке настолько по-хозяйски, будто это был ее дом, а вокруг – ее друзья. Они с Тэйт уже вели себя как лучшие подружки, а Джекс ей улыбался и пытался флиртовать. Для полноты картины не хватало только того, чтобы Джаред кинулся обсуждать с ней мотоциклы или еще какое-нибудь дерьмо.

Что она задумала? Зачем ей понадобилось возвращаться после столь долгого отсутствия, если два года назад она практически сбежала отсюда? Она собиралась пробыть здесь всего неделю. Что она собиралась делать?

– Кто это? – обернувшись, спросила Тэйлор, девушка, сидевшая у меня между ног.

Она указала взглядом на Фэллон и снова уставилась на меня. И тут до меня дошло, что я пялился на Фэллон.

Нехорошо.

Я лучезарно улыбнулся, чтобы показаться наглым и уверенным в себе.

– Думаю, кто-то, кому нравится смотреть.

Фэллон тоже пристально смотрела на меня. Мы пялились друг на друга уже черт знает сколько времени, и я очень надеялся, что никто этого не заметил.

Я окинул взглядом собравшихся вокруг костра. Тэйт уткнулась Джареду в плечо, он что-то шептал ей на ухо, и все остальные тоже были заняты разговорами.

– Исчезни, милая, – бросила моя спутница в адрес Фэллон и усмехнулась.

– Ты на вечеринке, милая, – Фэллон передразнила притворно-вежливый тон Тэйлор. – Если хочешь уединения, найди себе комнату.

Тэйлор дернулась было, чтобы встать, но я положил руки ей на плечи и аккуратно усадил ее на место.

Тэйлор была не из застенчивых. Она язвила и ехидничала, но ей хватало смелости отвечать за свои слова.

– Все нормально, – я с трудом сдержал смехок, но мои слова прозвучали убедительно. – От Фэллон вечно одни проблемы. Не поддавайся на провокацию.

Зеленые глаза Фэллон вспыхнули едва ли не ярче, чем огонь. Я был уверен, что ее реакция не заставит себя долго ждать. Она за словом в карман не лезла.

– Тебе нужно внимательнее следить за тем, кого ты приглашаешь на вечеринки, Мэдок.

Расслабив спину, Тэйлор облокотилась на сиденье.

– Я не приглашал ее, – ответил я. – Хотя, вообще-то, мне ее жаль. У нее практически нет друзей.

Тэйлор рассмеялась.

– Да уж, в такой одежде можно разве что врагов нажить.

– Мэдок, какого черта... – начала Тэйт, но я прервал ее.

– Все в порядке, Тэйт.

Фэллон выпрямила спину и сдвинула очки на лоб. Вокруг костра вдруг стало тихо, как на кладбище.

Фэллон продолжила.

– Даже в школе учат, что хулиганы задирают окружающих только потому, что не уверены в себе. Им трудно, и они самоутверждаются за счет других, – она подтянула к себе колени,

обняла их руками и продолжила мягким, но слегка насмешливым тоном. – Не нужно на них злиться. Наоборот, им нужно посочувствовать. Мэдоку никогда в жизни не приходилось самостоятельно принимать решения, а это значит, что у него и жизни-то еще толком не было. Дом, машины, деньги... – все это иллюзия успеха. Как выиграть битву, но проиграть войну.

Она остановилась, чтобы вдохнуть воздух, и медленно прошептала:

– Мэдок понятия не имеет, кто он такой на самом деле.

Мое сердце сжалось, неприятный холодок пробежал по груди и рукам. Я сделал вид, что посмеялся над ее словами, но на самом деле мне было не до смеха.

Фэллон всегда была упертой как баран. Всегда. Она нередко несла несусветную чушь, которую сама не понимала, чтобы выглядеть круче, чем она есть.

Но в этот раз все было иначе. Она все просчитала. Думала обо мне, анализировала. И предвидела мою реакцию.

– Ты права, Фэллон, – ответил я, разглядывая пиво в стаканчике, гоняя по кругу коричневатую жидкость.

Снисходительно вздохнув, я достал из кармана телефон и показал на него.

– Но еще я точно знаю, что, если прямо сейчас позвоню родителям, они оба ответят на мой звонок. Мама прилетит сюда первым же рейсом, как только узнает, что она нужна мне. А отец не боится прослушки и не прячется от полиции. У меня есть друзья, и я ни за что не променял бы их на все это дерьмо, – я обвел рукой двор и показал на дом. – И у меня есть еще одно преимущество.

Я улыбнулся от уха до уха, допил пиво и вскочил на ноги. Прекрасно зная, что все смотрят на меня, я старался не встречаться ни с кем глазами.

Не делай этого.

Бросив под ноги стаканчик, я сбегал вниз по ступенькам, обогнул бассейн и подбежал к ноутбуку, с которого играла музыка.

– Я умею петь.

В небе сверкнула молния. Мне потребовалась минута на подготовку.

Кликнув на один из плей-листов для тренировок, я включил песню *Offspring* – идеально подходящую к данному моменту – и схватил бутылку воды. Она должна была послужить микрофоном.

Текст начинался раньше музыки, но я отлично знал, где вступать. Разумеется, мне пришлось внести в него некоторые изменения. У меня была всего секунда, чтобы перевести дыхание, а потом я запел переделанную версию *Why don't you get a Job?*⁵.

– *My dad's got a wife!* – заорал я, встав на бортик джакузи. – *Man, he hates that bitch!*⁶

Все головы повернулись в мою сторону.

Я еще крепче сжал бутылку с водой и, когда началось соло на барабанах, стал трясти головой в такт, раскачивая толпу.

Да, я выпендривался. И получал от этого удовольствие. За это люди меня и любили.

В толпе смеялись и начинали подпевать. Я улыбнулся и продолжил петь. Люди поднимали вверх бокалы, расплескивая пиво, танцевали и одобрительно кричали.

Вдруг чья-то рука ухватила меня за запястье и стянула с бортика.

– Что с тобой происходит, черт тебя побери? – спросил Джаред.

Я куражился и был не в силах взять себя в руки. Все вокруг пели и танцевали. Видимо, они напились куда сильнее моего.

Я усмехнулся.

⁵ «Почему бы тебе не найти себе работу?» (англ.).

⁶ «У моего отца есть жена, и он ненавидит эту суку». В оригинале песни: *My friend's got a girlfriend, man, he hates that bitch!* – «У моего друга есть подруга, и он ненавидит эту суку!» (англ.).

– Подожди, – остановил его я. – *Ты* хочешь дать мне пару советов о том, как общаться с девушками? Помедленнее, я записываю.

– Придурок, она – твоя семья. И она только что убежала отсюда, потому что ты ее опозорил.

Стоп, она убежала?

Я попытался обойти Джареда, чтобы попасть в дом, но он преградил мне путь.

– Думаю, хватит с нее на сегодня, – он смягчился, но его голос оставался твердым.

Интересно, когда это он успел обзавестись таким обостренным чувством справедливости? Он годами мучил Тэйт, а теперь пытается наставить меня на путь истинный?

– Помнишь, я как-то хотел помочь тебе, а ты посоветовал мне заткнуться? – скрипя зубами, выдавил я. – Пришло время последовать своему собственному совету.

Неважно, что у него в голове. Может, он думал, что я напился, или хотел уладить конфликт, сути которого не понимал, но мне жутко не понравилось, как он сразу же бросился на ее защиту.

Фэллон не достанутся мои друзья.

Распахнув раздвижные стеклянные двери, я влетел внутрь и, лавируя между околачивавшимися на кухне гостями, пробежал через холл в фойе с мраморной плиткой на полу.

Обежав край массивных перил, я понесся по лестнице, прыгая через ступеньку.

– Ты не сестру ли ищешь часом? – крикнул мне в спину мой друг Сэм.

Я притормозил и сделал шаг назад. Он сегодня дежурил у двери: забирал ключи у вновь пришедших и проверял на трезвость уезжающих.

Я повернулся к нему, уже почуяв неладное.

– Сводную сестру, – поправил его я. – Да, ее-то я и ищу. А что?

Он ткнул большим пальцем в сторону парадной двери.

– Она только что взяла твою машину и куда-то укатила.

Мои глаза расширились. *Сэм, сукин ты сын!*

– Ты что, дал ей мои ключи? – завопил я, слетая вниз по лестнице со скоростью света.

Он весь вытянулся, сидя на табуретке, и прислонился спиной к стене.

– Она твоя сестра, – сказал он, как будто этого объяснения было достаточно.

Я протянул руку.

– Дай мне ключи Джареда, – гаркнул я.

– Они с Тэйт держат их у себя в комнате. Тем более они сегодня никуда не собирались уезжать.

– Тогда дай ключи Джекса!

Сэм открыл рот от удивления и кинулся искать в вазочке нужные ключи.

Брось все это. Отправляйся в постель.

Или лучше найди Тэйлор и затащи ее в постель.

Иногда я задавался вопросом: ангел на правом плече действительно надеется, что я его послушаюсь, или только пытается выманить демона поиграть?

Я выхватил у Сэма из рук ключи и выбежал на улицу.

Глава 8

Фэллон

Стащив ключи Мэдока, я выбежала из дома и поехала куда глаза глядят. И только выехав на широкую дорогу, поняла, что не имею ни малейшего понятия, куда податься. В этом городе у меня не было ни друзей, ни родни, ни места, где я могла бы спокойно собраться с мыслями.

В школе Святого Иосифа остаться наедине с собой можно было в часовне. Я не молилась и не ходила на мессы, несмотря на то, что ученики были обязаны их посещать. Но мне нравилось в часовне. Там было красиво и тихо, и я находила необходимое уединение.

Но сейчас у меня не было возможности там оказаться. Уже стемнело, так что идти к карьере было опасно. К тому же скоро пойдет дождь, и дорога станет мокрой. Была уже почти полночь, поэтому соваться в какие-то крытые заведения тоже не было смысла.

Раскат грома эхом разнесся по ночному небу. Я ударила по тормозам, потому что капли дождя заливали лобовое стекло. Я обратила внимание на гром и молнии еще на вечеринке. Поэтому-то я и взяла машину Мэдока. На мотоцикле я бы промокла до нитки.

Когда его величество об этом узнает, он еще неделю не сможет успокоиться. Парням не нравится, когда кто-то без спроса берет их вещи.

А мне не нравится, когда пользуются мной, так что, думаю, мы квиты. Я сдвинула рычаг на пятую передачу и нажала на газ.

Фэллон, притормози и соберись.

У меня уже было собрано целое досье на маму и мистера Карутерса. Оставался Мэдок.

Но я и подумать не могла, что это будет настолько трудно. Видеть его. Знать, что он сказал правду. Я пыталась казаться сильнее, чем была. После всего, что со мной произошло, все так и должно было быть.

На глазах навернулись слезы, но я усилием воли проглотила ком, застрявший в горле.

Я летела по пустому шоссе, полностью сосредоточившись на дороге, в свете фар, отражавшемся на мокром асфальте. Где-то далеко впереди ярко сиял огнями город, когда по левую руку я увидела знакомый указатель.

Парк «Ирокез Мендоза».

Сколько вечеров и выходных, проведенных там, мигом всплыли в памяти.

Здесь я любила проводить время с теми немногочисленными друзьями, которыми обзавелась, пока училась в местной школе. Я покачала головой и чуть не рассмеялась. В «Ирокез Мендозе» был отличный скейтпарк.

Поддавшись ностальгии, я повернула налево и поехала в парк, остановившись напротив одного из нескольких боулов. Освещение включали, только когда в парке проходили мероприятия, поэтому сейчас там стояла крошечная тьма. Выйдя из машины, я не выключила фары, чтобы хоть как-то осветить пространство вокруг себя.

Яркий свет резанул глаза. Дождь лил как из ведра. Пока я шлепала по лужам к пустому боулу, сланцы громко скрипели при каждом шаге. Всматриваясь в темную пустоту внутри, я сбросила обувь и, дрожа от холода в мокрой насквозь одежде, села на край чаши, а потом соскользнула внутрь и почувствовала ступнями шершавую поверхность бетона.

Меня вдруг охватило чувство защищенности и комфорта. Боулы никогда меня не пугали. Я привыкла скатываться по ним вертикально вниз, наслаждаясь тем, как все быстрее и быстрее колотится сердце, и, взлетев по инерции на самый верх, снова разгоняться и катиться вниз на максимальной скорости.

В этом месте я когда-то могла дышать полной грудью. Но теперь...

Я обернулась. Сквозь шум дождя донесся приглушенный рев двигателя. Визг шин разрезал ночную тишину – черный Mustang резко затормозил рядом с ГТО Мэдока.

Расправив плечи, я задрала нос и застыла в ожидании.

Мэдок вылетел из машины как ошпаренный и даже дверь за собой не закрыл.

– Ты сперла мою машину?! – заорал он, уставившись внутрь боула.

Фары за его спиной освещали мокрый бетон, и я старалась дышать спокойно, хоть сердце бешено колотилось.

Он был здесь. Он был один. И он был зол как никогда.

Дежавю.

Это мне и было нужно. Мой план сработал. Однако я повернулась к нему спиной.

Сколько раз я повторяла себе, что меня не должно заботить его мнение. В конце концов, я не собиралась влюблять его в себя. Чтобы план сработал, ему не надо было ни любить меня, ни уважать. Что бы он обо мне ни думал, я все равно получу то, что хочу. Это... не... имеет... значения.

Тогда почему я не могу просто взять и заманить его в ловушку? Почему мне так хочется отступить?

– Не сперла, а позаимствовала, тепличное ты растение.

Он спрыгнул в боул и пошлепал в мою сторону по мокрому бетону.

– Не смей прикасаться к моим вещам, Фэллон!

– И ты это говоришь после того, как вчера вломился ко мне в комнату и прикасался ко мне? Ты никогда не получишь все и сразу, Мэдок.

Он остановился в паре метров от меня и пристально посмотрел в глаза. Мне показалось, что стены чаши сдвигаются, пока он просто стоял напротив и смотрел на меня с таким видом, будто мог уничтожить на месте, не произнося ни единого слова. Точнее, он уже сделал это однажды. Но сейчас не об этом.

На нем до сих пор были только шорты и шлепанцы. Никакой футболки. Полагаю, он так спешил броситься за мной в погоню, что не успел переодеться. За время моего отсутствия Мэдок очень изменился. Теперь его руки и плечи напоминали произведение искусства. Он всегда любил тренироваться, и это окупилось с лихвой. У него была фигура квотербека. К тому же он был высоким. Как бы я хотела, чтобы не было той невидимой нити, что вечно тянула меня к нему, заставляла мечтать о том, чтобы вновь к нему прикоснуться. Я могла бы сделать вид, что между нами не существовало никакой связи, но это было бы ложью. Бойся своих желаний, Фэллон.

Мэдок прекрасно знал, насколько он сексуален, и не мог не понимать, что все остальные об этом знают. Но немногие догадывались, что скрывается под белокурой шевелюрой, живыми голубыми глазами и загорелым телом. Мэдок был плохим человеком.

Настанет день, когда от его прекрасной внешности не останется и следа и рядом с той, кто в конечном счете свяжет свою жизнь с ним, будет просто дряхлый засранец. Время от времени мне приходилось напоминать себе об этом. Не было в нем ничего такого, что могло бы меня привлечь.

Дождь никак не прекращался, и вода стекала по его лицу. Он моргнул. Несколько капель сорвались с ресниц и покатались по щекам.

– Знаешь что, – усмехнулся он, будто готов был развернуться и уйти, – мне так надоели все эти глупости. Не проще просто взять и сказать, что тебе от меня надо? – Мэдок заговорил увереннее и громче. – Когда рядом Эдди, ты ведешь себя, как будто все нормально, а потом приходишь на мою вечеринку при полном параде, раздеваешься до белья в присутствии всех моих друзей и припоминаешь тот случай двухлетней давности, – парень смотрел мне прямо в глаза. – Чего ты хочешь от меня?

Он говорил искренне. Это было похоже на крик души.

– Ничего! – крикнула я в ответ, и мои глаза вспыхнули гневом. – Мне ничего от тебя не нужно. И *больше* никогда не понадобится!

От неожиданности он отступил на полшага назад.

– Больше? Так вот в чем дело? – переспросил Мэдок. – В том, что мы просто спали два года назад?

Просто спали. Я опустила глаза.

Лучше засунуть барабанную палочку себе в нос, чем дать ему заметить, насколько меня задело его слова. Я вытерла воду со лба и поправила волосы.

– Знаешь что? – прищурившись, снова начал Мэдок, не дав мне и слова сказать. – Иди к черту, Фэллон. Мне тоже было шестнадцать. Я был таким же девственником, как и ты. Ты сама этого хотела, и ты это прекрасно знаешь. Я не принуждал тебя! И тебе незачем было бежать к родителям и жаловаться. Боже мой!

Ах вот оно что.

К этому времени он уже тяжело дышал.

– Они относились ко мне так, будто я тебя заставлял или еще что похуже! – орал он, размахивая руками в воздухе. – Ты им сказала, что я заставлял тебя?

– Мэдок, я...

О чем он, блин, говорил? Дыхание, руки, ноги – у меня все дрожало.

– Да пошла ты, Фэллон, – оборвал меня Мэдок, только еще больше взбесившись. – Тебе ничего не стоило прекратить это все. Одно только слово – и я бы больше тебя не тронул, но я думал...

Он взмахнул рукой, глядя куда-то под ноги, и поджал губы. Ему было противно продолжать.

У меня перехватило дыхание от такой несправедливости. *Да какого дьявола?*

Его слова были как пощечины. Я не была готова к такому. Что за бред он несет?

Я сделала шаг в его сторону.

– Говоришь, они сказали тебе, что это я настучала?

Он дернул головой, и я заметила, как напряглась его шея.

– Твоя мать сказала, что тебе было противно то, что я с тобой делал. И что тебе пришлось сбежать от меня, поэтому ты исчезла в одночасье.

Каждое слово будто нож вонзалось в сердце. Его рана тоже была глубокой.

Проклятье. Я закрыла глаза и покачала головой. Не может этого быть!

Если они наврали Мэдоку, что я на него жаловалась, значит, он все это время считал мой отъезд добровольным. Думал, что я пошла к родителям и *попросила* отправить пеня подальше отсюда.

Я облизала нижнюю губу, широко раскрыла глаза и встретила с ним взглядом. Он хмурился.

Выходит, Мэдок никогда не хотел, чтобы я уезжала, а был уверен, что я сбежала от него. Неожиданный поворот.

Но это не изменит мои планы. Даже если родители наврали нам обоим, они все равно заслуживают наказания. Мэдок оказался не такой сволочью, как казался мне все это время, но и невинной овцой его не назвать. Все это время ему не было до меня дела, и он по-прежнему относился ко мне как к шлюхе. Ни разу не позвонил, не написал, даже не попытался найти меня. Мне пришлось через многое пройти, и я со всем этим вынуждена была справляться в одиночку.

Так что все они по-прежнему были врагами.

– Прочь с дороги.

Я взобралась на бортик боула и пробежала мимо него.

Но, прежде чем я успела сесть в машину, Мэдок поймал меня за локоть и потянул обратно.

– Ну уж нет. Я не дам тебе уехать, пока не услышу объяснение.

Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя тепло его тела через мокрую футболку.

– Объяснение? – пожала плечами я. – Думаю, Мэдок, это генетическое. Размер пениса передается по наследству. Так что ты ничего с этим не сделаешь.

Я повернулась к нему спиной, направляясь к ГТО, и, как ни старалась ее скрыть, на моих губах появилась улыбка.

Едва я открыла дверцу машины, как меня дернули назад и захлопнули ее прямо перед моим носом.

Черт!

Сердце колотилось как бешеное, и горячая кровь пульсировала в венах. До того как я успела повернуться, Мэдок навалился на меня со спины и прижал грудью к дверце машины.

Я тяжело дышала, чувствуя, как тепло в груди медленно поднимается вверх.

– Скажи мне, что тебе было противно, – потребовал он, чуть не касаясь губами моего уха и обжигая его дыханием. – Я хочу услышать это от тебя.

Он целует меня. Впивается влажными губами в мои губы. Я чувствую запах сигарет. Табаком пахнет от его рук и изо рта. Этот запах остается на всем, к чему он прикасается. Его рука соскальзывает на мою попку и крепко сжимает ее.

– Готова подняться наверх? – спрашивает он. – Хочу увидеть, насколько ты на самом деле плохая девочка.

Я качаю головой. Нет.

– Я хочу вернуться на вечеринку.

Зачем я позволила ему поцеловать себя?

Попытка вырваться не удается, и он зажимает меня так сильно, что дыхание перехватывает.

– Но ведь ты уже завела меня. Ладно тебе, детка, пойдем развлечемся.

Он поднимает руку и проводит большим пальцем по моему соску.

Мои глаза округляются. Я крепко сжимаю кулаки, готовясь его ударить.

– Отойди от нее.

Из-за спины нависающего надо мной парня доносится голос Мэдока.

– Найди себе другую, Мэдок.

– Это моя сестра, – резким голосом заявляет Мэдок. – Либо отстань от нее, либо вали к чертям из моего дома, Нэйт.

Нэйт испуганно отступает.

– Ладно. Я не знал, что это твоя сестра, чувак. Извини.

Нэйт уходит, но я все еще чувствую себя неловко.

– Мэдок, я...

– Заткнись, – кричит он, хватая меня за руку. – Я знаю, зачем ты пришла. Как всегда, хочешь быть в центре внимания. Ищешь, с кем бы хорошо провести время, как и твоя мамаша?

– Ничего подобного, урод.

Я пытаюсь вырвать руку, но он тащит меня наверх.

– Да ладно! У тебя что, есть здесь друзья? Что-то мне так не кажется.

Мы останавливаемся у двери моей комнаты. Мэдок отпускает меня.

– Иди к себе в комнату, Фэллон. Поиграй в Lego.

– Ты мне не сутенер, Мэдок. И я не шлюха.

Я кладу руки на талию.

– Но если ты будешь продолжать так меня называть, я вполне могу ею стать. Твой друг Джаред во дворе, не так ли? Он симпатичный. Может, он будет у меня первым.

Я обхожу Мэдока и иду к лестнице. Он снова хватает меня и заталкивает в спальню.

– Мэдок, оставь меня в покое!

– Держись подальше от моих друзей!

Он отпускает меня, но продолжает наступать, и мне остается только пятиться. Мэдок очень зол, но я не боюсь его.

– Ой, как будто я только о том и мечтаю, чтобы присоединиться к твоей компании, – усмехаюсь я. – К этой шайке Кенов и Барби, которых интересует только лента новостей в Facebook.

Мэдок все ближе. А я уже прижата спиной к стене со стикерами.

– Ты ведешь себя так, будто ты лучше меня, – рычит он. – Но разве не ты пять минут назад пыталась затащить в постель моего друга? Для человека, которого раздражают мои друзья, ты слишком легко согласилась раздвинуть ноги перед одним из них!

Я поднимаю взгляд и смотрю прямо ему в глаза.

– Я делаю что хочу и когда хочу. И никто не вправе решать за меня! Ни ты, ни наши родители, ни мои друзья. Я никому не подчиняюсь. Я свободна!

– Свободна? – горькая усмешка слетает с его губ. – Серьезно? Думаешь, сделала несколько лишних дырок в ушах, забила татуажами и вдруг стала свободной? Ты сделала эти татуировки не потому, что хотела их. Ты хотела доказать, что можешь. Тебе всегда надо что-то кому-то доказывать! Ты... не... свободна!

Я даю ему две пощечины подряд обеими руками, но в третий раз он перехватывает мою ладонь на полпути. Он держит меня за запястья, и мы смотрим друг на друга. Искра вдруг проносится в его глазах, и, прежде чем я успеваю опомниться, он касается губами моих губ.

Мы еще крепче сцепляемся друг в друга. Он крепко прижимает меня к себе, впиваясь в мои губы. Это совсем не похоже на поцелуй Нэйти внизу. Мэдок ведет себя естественно. Он ничего не планировал заранее, а поддался порыву страсти.

И я чувствую, что это правильно.

Парень отрывается от меня, тяжело дыша, и смотрит широко раскрытыми глазами.

– О господи, – он сдвигает брови в ужасе. – Прости, Фэллон. Не знаю, о чем я думал. Я не собирался...

Я наклоняюсь к нему, не в силах взглянуть в глаза.

– Не останавливайся.

Я медленно обнимаю его за шею трясущейся рукой и прижимаю к себе. Мэдок вздрагивает, когда я касаюсь его губами, и обнимает меня за талию.

– Мне нравится с тобой ругаться, – шепчет он, укладывая меня на кровать и залезая сверху. – Но это изменит все.

Я стягиваю с него футболку.

– Это ничего не изменит.

– Скажи это, Фэллон.

Он еще сильнее прижал меня к машине, продолжая дышать в шею.

– Расскажи мне, как тебе было противно, когда я прикасался к тебе... когда целовал тебя.

Упираясь ладонями в дверь, я вспоминала, как сама ласкала каждый сантиметр его тела.

Два года назад Мэдок стал для меня целым миром. Я ждала его по ночам, и сердце кололось с бешеной скоростью от одной только мысли, что он придет, от осознания, что он снова будет прикасаться ко мне. Я обожала это ощущение. Мне хотелось, чтобы солнце не вставало никогда.

Упершись руками в машину, я сильнее прижалась к его телу, и влажное тепло между ног едва не заставило меня застонать.

Я повернула голову в сторону, с трудом выравнивая дыхание.

– Хочешь услышать, как сильно я этого хотела? – слова давались мне с трудом.

Он накрыл ладонями мои руки и еще сильнее прижался ко мне. Я почувствовала на шее его губы.

– К черту прошлое, – выдохнул Мэддок. – Хочу услышать, что ты по этому скучала.

Глава 9

Мэдок

Не дав ей шанса ответить, я нагнулся и с жаром поцеловал в шею.

– Мэдок, – простонала она, раздвигая колени.

Я обнял ее за талию и, не отрывая губ от шеи, прижал к машине.

Чертova Фэллон.

Она не должна была поддаваться так легко.

Продолжая целовать шею, я запустил пальцы ей в волосы, затем прикусил мочку уха и поцеловал подбородок. Она повернула голову, и наши губы слились в поцелуе. Ее сладость и тепло были просто невыносимы. Мой член дернулся вверх, а когда Фэллон прижалась ко мне своей аппетитной попкой, я чуть не застонал.

– Блин, Фэллон, – охнул я, стягивая с нее через голову майку и швыряя ее под ноги.

Она запрокинула голову и положила мне на плечо. Ее грудь вздымалась все чаще и чаще. Она посмотрела на меня отчаянным, умоляющим взглядом, а потом и вовсе закрыла глаза. Ее тело изнывало от желания. Как и мое.

Одной рукой я аккуратно обхватил ее за шею, а другой властно повел по животу.

– Я хочу войти в тебя, – я притянул ее голову к себе и приподнял подбородок. Теперь она смотрела прямо мне в глаза. – Но только попробуй снова меня обмануть.

Ее лицо было мокрым от дождя. Она моргнула, стряхнув капли с ресниц. Я довел ее практически до иступления. И сам уже был готов разорвать ее на части. Не отрываться от нее ни на секунду. Всю ночь напролет. На мгновение прервав поцелуй, я обвел языком кончик ее языка и втянул себе в рот.

Господи, какая же она вкусная.

Я запустил руку ей в шорты и положил ладонь между ног.

– О боже, – заскулила Фэллон.

Она была мокрой и горячей. Уже готовый взорваться, средним пальцем я вошел в нее, а большой прижал снаружи.

Извиваясь и постанывая, она ерзала спиной вверх-вниз по моей груди. Потирая двумя пальцами клитор, я прижался членом к ее попке.

Мокрое от дождя тело блестело в свете фар. Кончиками пальцев я чувствовал пульсацию у нее между ног. Она изнемогала.

Я по очереди расстегнул и снял с нее лифчик и шорты, стянув их вместе с трусиками вниз, а затем сделал шаг назад, чтобы насладиться видом.

Она едва держалась на трясущихся ногах, прислонившись к двери, и по-прежнему упиралась руками в стекло.

Капли воды каскадом стекали по ее стройному телу: скользили вдоль по спине, повторяли изгиб подтянутой попki и скатывались по бедрам.

– Сядь на капот, детка.

Хотелось кричать, но я старался говорить спокойно. Мне было тяжело дышать.

В голове промелькнула мысль, что неплохо было бы спрятаться от дождя, но на улице было по-прежнему тепло... Хотя кого я обманываю? Мне нравилось смотреть на нее. Она была так красива под дождем.

Положив руки на бедра, она развернулась и, не поднимая головы, исподлобья смотрела на меня. Она сделала несколько шагов направо и села на капот, свесив ноги.

Я проследовал за ней и встал напротив, сохраняя между нами некоторое расстояние.

Ее грудь была больше, чем в моих воспоминаниях. Я подумал, что не стоит торопиться. С тех пор как я последний раз прикасался к ней, прошло так много времени, что хотелось открыть ее тело заново.

Но терпение было на исходе. Мой член был тверд как камень.

– Раздвинь ноги, – хрипло скомандовал я, и легкая улыбка появилась на моем лице.

Ей нужно было перевести дыхание. Я видел, как поднимается и опускается от возбуждения ее грудь. Или это было тревожное ожидание.

Она сжала зубы, но сделала то, что я сказал. Фэллон приняла вызов. Опираясь на локти, она развела ноги в стороны, открывая то, что я так сильно хотел увидеть.

Ох уж эта девчонка.

Не отрывая глаз от ее разгоряченного мокрого тела, я развязал шорты и скинул на землю.

Ее глаза округлились: она заметила отблеск металла у меня на головке.

Пристроившись у нее между ног, я медленно и нежно положил ее спиной на капот. В машине играла *Sail AWOLNATION*. Звуки песни доносились до нас сквозь шум дождя. Обхватив ее за бедра, я коснулся губами горячей влажной кожи живота. Это сводило меня с ума. Я поднялся выше и обхватил губами сосок.

– Ах, – задыхаясь, стонала Фэллон, но я не собирался так быстро прекращать ее мучения.

Переключившись на второй сосок, я то посасывал его, то покусывал, то обхватывал зубами и тянул на себя... И, черт побери, он был таким сладким на вкус. Два года назад я ни черта в этом не смыслил. Конечно, кое-какие приемчики я тогда узнал, но мы были столь юными и неопытными и не знали, что и как нужно делать.

Теперь – совсем другое дело. Я прекрасно понимал, чего хочу, и не боялся брать это. Не упускал ни единого шанса.

Ускоряясь, я опускался ниже по животу, целуя каждый сантиметр ее тела. И каждый поцелуй все сильнее приближал меня к тому, что мне на самом деле было нужно.

Одним резким движением я обхватил губами клитор и впился в него как в персик.

– О боже!

Извиваясь, она запрокинула голову, и капот прогнулся от ее движений. Я не видел ее глаз. Она зажмурилась от удовольствия.

Водя языком по кругу, я то надавливал сильнее, то, наоборот, ослаблял нажим.

«Как же я ее ненавижу! Я ей не доверяю. Она снова оставит меня в дураках».

Нет, я не старался доставить ей удовольствие, просто хотел довести ее языком до оргазма, чтобы она точно знала, что принадлежит мне.

Но чем крепче она вцеплялась мне в волосы, чем сильнее изгибалась от моих ласк, тем яснее я понимал, что хочу услышать свое имя из ее уст. Мне хотелось, чтобы ей понравилось.

– Мэдок, – ее голос дрожал. – Мэдок, пожалуйста!

Я поднял глаза и увидел, что она смотрит на меня. Фэллон провела рукой по моей щеке.

– Сделай это, – умоляла она. – Пожалуйста...

Это было именно то, чего я ждал, хоть сам и не осознавал.

Я встал в полный рост и, сжав зубы, наслаждался видом ее роскошного тела. Эта безумно красивая девушка ненавидела меня, а я ненавидел ее, но... черт возьми, мне нравилась эта ненависть. Она была настоящей, даже дикой, пусть и бессмысленной.

Не переставая смотреть ей в глаза, я придвинул ее к краю капота и вошел в нее.

– А-а-ах... – она зажмурилась и сжала зубы.

– Черт, Фэллон.

Я остановился и закрыл глаза, наслаждаясь давно забытым ощущением. Она была такой теплой и узкой, это тепло проходило сквозь меня и разливалось по телу: через бедра наверх, к груди. Даже холодные капли были не в силах умерить мой пыл.

Я не знал, сколько мужчин у нее было после меня, и не хотел знать. Нависая над ней, чувствуя ее всю, я ждал, что она откроет глаза.

Когда это наконец произошло, Фэллон взглянула на меня, обняла за шею дрожащей рукой, притянула к себе и поцеловала. Наши языки сплелись в танце. Покусывая ее влажные губы, я начал двигаться. Сначала медленно, пытаюсь прочувствовать каждый миллиметр ее горячего лона, наслаждаясь каждым стоном, что срывался с ее губ.

Оторвавшись от них, я сжал одной рукой ее грудь, а второй оперся на машину. Каждый мускул у меня в спине был напряжен до предела, а плечи пылали. Вдыхая и выдыхая воздух из легких, я едва сдерживал себя. Это было невыносимо. Я резко и глубоко вошел в нее. Вулкан у меня между ног уже готов был взорваться, но это было так приятно.

С каждым моим движением ее грудь подскакивала. Я двигался все быстрее.

Она впилась в меня ногтями.

– Еще, Мэдок. Это так приятно.

Я выпрямился, подтянул ее к себе и закинул ее ноги себе на плечи.

– Скажи мне, что ты по этому скучала.

– Да, – ответила Фэллон дрожащим шепотом и кивнула. – Я скучала по этому.

Я тоже скучал.

Я снова резко вошел в нее. Как в последний раз. Будто завтра никогда не наступит.

Она выгнула спину, как дикая кошка. Ее грудь дрожала. Громкий, протяжный стон сорвался с ее губ:

– Да-а-а... О боже!

Вокруг моего члена все сжалось. Она дышала часто и сбивчиво, ее живот дрожал, а глаза были крепко зажмурены. Было так приятно чувствовать, как она кончает.

Волна жара прокатилась по моему члену и обожгла головку. Я вытащил его и, тяжело дыша, кончил ей на живот.

В горле все пересохло, а сердце билось с такой силой, будто пыталось сломать ребра и выскочить из груди. Я уронил голову ей на грудь и закрыл глаза, наслаждаясь тем, как она поднимается и опускается при каждом вздохе.

В голове не было связных мыслей. Одни только разрозненные слова.

Великолепно.

Горячо.

Черт.

Дерьмо.

Я понятия не имел, что мне теперь делать, и ее молчание говорило о том же. Прежде чем я успел встать, она вдруг запустила руку в мои мокрые волосы.

Замерев, я не сдвинулся с места и дал ей погладить себя. А потом вздрогнул, осознав, что не использовал презерватив.

Черт. Чувак, серьезно? Они же у тебя в бардачке.

Почему я об этом не подумал? Я всегда ими пользовался, за исключением пары случаев... опять же, с Фэллон. Но мы тогда были юными и глупыми.

– Я никогда ничего не говорила нашим родителям, – заговорила Фэллон, отрывая меня от мыслей и возвращая в реальность.

Родителям? Она решила вспомнить о них сейчас?

– Чего не говорила? – продолжая лежать у нее на груди, я поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Они тебе соврали, – она провела рукой по моим волосам и подняла глаза к небу. – Я никогда не жаловалась им на то, что ты со мной делал, Мэдок. Они сами узнали и отправили меня подальше отсюда.

Прищуриль глаза, я оперся руками на капот и выпрямился.

– Ты хочешь сказать, что никогда не хотела уезжать от меня?

Глава 10

Фэллон

Что я творю?

Что я, мать вашу, творю?

Значит, родители ему солгали. Сказали, что я хотела уехать. Ему было больно. Хорошо! Это мне только на руку. Мэдок хоть больше и не в топе моего списка врагов, в отличие от родителей, но все равно заслужил наказание.

Находясь в сладкой истоме после оргазма, я решила защитить его сердце от этой боли, чтобы память о нас осталась светлой. Хотела верить, что он меня не использовал.

Но именно это он и сделал. Воспользовался мной, а потом благополучно забыл об этом.

К тому же переспать с ним входило в мой план.

– *Все идет по плану*, – напомнила себе я.

Хоть это случилось раньше, чем я планировала, и мое поведение было опрометчивым, но у меня не было секса целую вечность. Сопротивляться оказалось куда сложнее, чем я предполагала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.